

БЛИЗНЕЦЫ
ОТ БЫВШЕГО МУЖА
ДУША НА РАЗРЫВ

Виктория Вишневская

Виктория Вишневская

Близнецы от бывшего мужа. Душа на разрыв

<https://litres.ru/74214999>

Аннотация

«Твой муж сейчас сидит в ресторане с какой-то девушкой и ребёнком». Следом за сообщением мне прилетает фотография. Не верю... Это не может быть правдой! Демьян не может мне изменять! Быстро закрываю приложение и захожу в контакты. Номер мужа у меня на быстром наборе. Гудки наконец-то обрываются, а я уже успеваю сойти с ума. — Может, пообедаем сегодня вместе? — выпаливаю, чтобы убедиться, что всё это неправда. — Не сегодня, — отвечает он ровным голосом, нехарактерным для него. На заднем фоне слышен легкий детский смех, который на мгновение становится чуть громче. — Прости, я занят, на переговорах. До вечера. Отключается. Как и моё сердце.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	46
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	68
Глава 11	76
Глава 12	83
Глава 13	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Глава 1

«Твой муж сейчас сидит в ресторане с какой-то девушкой и ребёнком».

Ещё раз перечитываю сообщение от знакомой.

Прочитанное не укладывается в голове. Воспринимаю эти слова как глупую шутку.

Может, она ошиблась? Мы не слишком близки, она могла и перепутать!

Нервно тереблю телефон, печатаю ответ.

И тут же мне прилетает фотография.

Вижу знакомый ресторан. Наш любимый.

Мой муж. Безусловно, он — не перепутаю никогда и ни с кем. Напротив него сидит темноволосая женщина, лица не видно. Смотрит на маленького мальчика лет трёх. Он тянется ладошкой к Демьяну, лучезарно улыбаясь.

Ну и что?.. Может, это кто-то с его работы? Он превосходный руководитель! Приближённых подчинённых всегда поздравляет с днями рождения цветами и бронирует им столик в ресторане за его счёт.

А если это бухгалтер? Они все женщины!

Или он встретился с бывшим сослуживцем, а это — его семья!

Эта мысль успокаивает, и я, выдохнув, откидываюсь на спинку кресла.

Спокойно, Слава, спокойно...

Только пытаюсь восстановить дыхание, как приходит новая фотография. Малыш сидит у Демьяна на коленях, и он наклоняется, целуя его в лоб. А женщина сияет, как яркий огонёк.

И у меня весь мир на глазах рушится...

Быстро закрываю приложение и захожу в контакты. Номер мужа у меня на быстром наборе.

Нажимаю кнопку, нервно закусываю губу, прикладываю телефон к уху. Он не мог так поступить. Мы действительно любим друг друга. Я уверена в этом.

Да, последние недели, даже месяцы, он холоден, вечно где-то пропадает, но у него не может появиться любовница.

Горько усмехаюсь. Может, он ушёл к ней из-за ребёнка? И всё равно, что он, возможно, неродной. Я ведь не могу ему родить... И мы даже не рассматривали вопрос усыновления.

В груди появляется тяжесть, от которой хочется сдохнуть.

Гудки наконец-то обрываются, а я уже успеваю сойти с ума.

— Может, пообедаем сегодня вместе? — выпаливаю, чтобы убедиться, что всё это неправда.

— Не сегодня, — отвечает он ровным голосом, нехарактерным для него. На заднем фоне слышен легкий детский смех, который на мгновение становится чуть громче. — Прости, я занят, на переговорах. До вечера.

Отключается. Как и моё сердце. Перестаёт работать, ка-

чать кровь. Остановилось. Кажется, в моём организме перестало функционировать абсолютно всё. И я сижу на кресле, как живой труп.

Он не мог со мной так поступить...

Не мог!

На ватных ногах встаю с кресла. Хватаю сумку, скидываю в неё телефон, словно призрак выхожу из кабинета и плетусь по коридору. За мной бежит мой секретарь, напоминая о работе:

— К вам Афанасьева записана через полчаса. Вы успеете на приём? — взволнованно спрашивает, семеня за мной.

— Отмени всё, — отвечаю безжизненным голосом.

— А, хорошо, — непонимающе и растеряннo шепчет, остановившись.

Не замечаю, как оказываюсь на улице, на парковке и сажусь в свой автомобиль.

Крепко сжимаю руль, в беспамятстве доезжаю до дома. Кажется, я задела мусорный бак бампером, но сейчас он интересует меня меньше всего. Машина — дело второстепенное, обычная железная банка.

В квартире, где всё пропитано запахом Демьяна, становится лучше. Наш дом, словно подзарядка, питает меня, заставляя оценивать вещи трезво. Не поддаваться эмоциям. Успокоиться.

Поэтому беру себя в руки. Готовлю ужин, с нетерпением ожидаю мужа, он возвращается в девять вечера.

— Ты сегодня поздно, — улыбаюсь, встречая его в шёлковом халате. Стараюсь не думать о том, что случилось днём. Уверена, всё это недопонимание, и нам нужно обо всём поговорить. Разве не это — основа всех отношений?

Как психологу, мне нужно думать рационально.

— Было много дел, — не смотря на меня, скидывает обувь и направляется в зал, по пути целуя меня в щёку.

Всего лишь в щёку.

Смотрю ему вслед и внимательно наблюдаю за тем, как он снимает на ходу рубашку. Как будто в розыске следов от помады или чего-то ещё. Оставляет телефон на столе, направляясь в душ.

— Нам надо поговорить, — говорю ему в спину. Если не сделаю этого — не успокоюсь.

— После душа, — не идёт на контакт и скрывается в ванной.

Когда я позволила нашим отношениям так остыть? Не знаю. Всё было идеально до определённого периода. А потом Ярцев начал задерживаться на работе, нежность и ласка пропали.

И понимаю я это только сейчас.

Так, не накручивай себя!

Падаю на диван в ожидании мужа.

Сверлю взглядом его телефон. Может, заглянуть в него? Помню, он ничего и никогда не скрывал. У него даже не стоит пароль!

И я могу с лёгкостью узнать, изменяет ли он мне, избежав ненужных диалогов, из которых я выйду ревнивой дурой.

Нет, я дождусь, когда он выйдет, и мы поговорим.

Словно в насмешку, Демьяну приходит сообщение. Экран загорается от уведомления. Перед тем, как он погаснет, замечаю женское имя.

Нет, нельзя, Слава. Не смей читать чужие СМС-ки!

Любопытство и интерес оказываются сильнее меня. И я, поддавшись слабости, хватаю со стола телефон. Быстро пробегаю глазами по тексту и столбенею.

«Сын спрашивает, когда папа придет в следующий раз. Тоскует... Что мне ему сказать?».

Сын?..

Какой сын?.. Демьяна?.. У него есть ребёнок?

Но ведь это невозможно!

Экран опять мигает.

«Я тоже очень скучаю».

Этими сообщениями меня словно хватают за шею и душат. А я не оказываю не единой попытки сопротивляться, медленно разрушаясь.

Быть того не может. Это всё — не реальность, а страшный сон.

Дверь сбоку щёлкает, я ощущаю тепло от горячего воздуха, исходящего из ванной, из которой выходит Демьян. Вытирает светло-русые, почти блондинистые волосы полотенцем. Нет в его взгляде искорки, как раньше.

Рука будто весит целую тонну, когда я поднимаю телефон, повернув экраном к нему. Показываю ему сообщение от «Людмилы».

— Ты мне изменяешь? — спрашиваю прямо, пытаюсь скрыть упрямо рвущуюся дрожь в голосе.

Взгляд голубых глаз будто кидает в меня тысячу ледяных копий. Он явно не ожидал, что я загляну в его телефон. Осуждает? Почему молчит так долго? Придумывает отмазку?

Но вместо неё в ответ я слышу уверенное:

— Да.

Глава 2

Слава

«Да».

Одно слово набатом бьёт в голове, как приговор.

Я подрываюсь с дивана, сжимаю в пальцах телефон.

Да я в шоке от его спокойствия!

Он в открытую говорит, что изменяет мне, не пошевелив и бровью! Мне, своей жене, спустя столько лет брака!

— Кого она имела в виду под «сыном»? — интересуюсь тем, что волнует больше всего. Кроме его равнодушия.

Я понимаю, почему он начал изменять, а меня быстро отправили на утилизацию.

Мы оба хотели детей. И он — больше всего. Я знаю, как сильно ему нужен ребёнок. И мы пытаемся два года. Всё безуспешно.

— У меня есть ребёнок, — огорошивает своим заявлением. — Родившийся задолго до встречи с тобой.

Что чувствует в эти моменты не сумевшая забеременеть женщина?

Пустоту.

Я медленно, но верно разрушаюсь изнутри, не зная, что сказать. Как отреагировать?

Меня сильнее вдавливают в землю носком ботинка.

— И поэтому ты выбрал их? — слабо спрашиваю, не су-

мев справиться со своими эмоциями. Я отлично могу держать себя в руках, управлять чувствами. Работа психолога не из лёгких, мне нужно уметь скрывать свою истинную реакцию на происходящее.

Часто нужно держать слёзы в себе. Иначе какой ты врач, что переживает на уровне с пациентом и рыдает? А тут не могу... Так и хочется разорваться и дать волю чувствам.

— Прости, Слав, — его слова звучат искренне, на секунду облегчая мне адскую боль на душе. — У нас ничего не выйдет. Может, у тебя получится с другим мужчиной.

Как обухом по голове...

Однажды он уже говорил эту фразу. Тогда мы сели и поговорили. Сохранили наш брак. А здесь... Не выйдет. На этот раз не выйдет.

— После того, что ты сделал? Безусловно, — беру себя в руки и цежу сквозь зубы. — А знаешь что, Ярцев?

Хочется наговорить кучу дерьма. Выплеснуть весь негатив. За то, что он так легко оставил меня. Не борется за нашу семью. Видимо, она нужна только мне.

Но где-то в глубине души я рада, что хотя бы он обретёт желанного ребёнка.

— Хорошей тебе и счастливой жизни, — желаю ему от всего сердца.

С трудом онемевшими пальцами снимаю обручальное кольцо. И словно вместе с этим теряю душу.

Прикрыв глаза, опускаю кольцо на барную стойку.

Держаться! Нужно держаться!

Отвернувшись и сцепив зубы, направляюсь в нашу спальню.

— Это развод? — спрашивает спокойно мне в спину.

И от этого больнее всего.

Счастливые годы брака, кончающиеся безразличием.

Он не пытается сказать, что это ошибка. Что всё исправит.

И не хочет меня терять. Ничего из этого.

Он впервые настолько безмятежен.

В другой ситуации я подумала бы, что Демьян разбит. Отчаялся, потерял все силы бороться. Но эта не та ситуация.

— Да, — сдавленно отвечаю ему, скрываясь в нашей спальне.

Поднимаю лицо к потолку, жмурюсь и пытаюсь сдержать душащие слёзы.

Нет, не здесь. Только не здесь!

С трудом переодеваюсь из домашней одежды, хватаю обычную сумку и надеюсь, что ничего не натворю на эмоциях. Жутко хочется что-нибудь сломать, выплеснуть пар. Но мебель вокруг и вещи не виноваты, что у меня поганое настроение и неверный муж.

Когда выхожу из комнаты, Демьяна в гостиной уже нет.

А на барной стойке рядом с моим кольцом поблёскивает и его.

Больно. Адски больно.

Слёзы снова наворачиваются на глаза. И я желаю убраться

отсюда как можно дальше и быстрее.

Лишь бы не чувствовать его запах в носу. Не его видеть футболку, переброшенную через подлокотник дивана.

Как в прострации, добираюсь до машины. Полчаса — и я заваливаюсь к подруге, как в кино.

Я и правда ощущаю себя в каком-то сериале. Но не в том, что кончается счастливо для главных героев.

От горя и бессилия хочется воспользоваться единственной отдушиной, как и у всех моих пациентов, — алкоголем, но я его ненавижу.

К тому же сейчас я пью таблетки, витамины. А есть ли теперь смысл? Когда мужа нет, а беременности тем более?

— Тише, малышка, всё не так плохо, — успокаивающе произносит подруга, наливая мне чай. — Найдёшь себе другого мужика. Тем более ты богатая, умная, красивая, преуспевающая! А Ярцев...

Она сама не знает, что сказать. Он был идеальным мужчиной. Его не за что корить, осуждать. Кроме одного...

— Ну его, в общем-то, — растерянно шепчет мне.

Я тоже хочу его послать. Далеко и надолго. На хрен, в пещерное эротическое.

Но есть проблема. Уродская зависимость. И заканчивающийся на нём весь мир.

— Я понимаю, что у вас всё было как в сказке, но... Солнце, — Марина подходит ко мне, гладит по плечу и ставит передо мной чашку, которую я обхватываю пальцами. Горячо!

Но отрезвляюще. Даёт понять, что я ещё жива. — Не сложилось у вас. Ты не виновата в том, что он бесплоден.

Или я. Здесь неизвестно. Сотни врачей, миллионы обследований. Даже с нашими деньгами нас не исцелили. Не всё решается бабками, не всё.

— У него сын есть, — вспоминаю все те сообщения, фотографии.

— Ого, — она сама оседает на стул. Наверняка не ожидала от него подобное. Любящий муж, настоящий мужчина, за которым ты как за каменной стеной... Разве такое возможно? — Теперь понятно, почему он тебя оставил. Одержимый наследниками, блин.

Последние слова летят с укором, и на секунду хочется его защитить. Я знаю его травму, его огромное желание и никогда не позволю высмеять его.

Но в чём-то она права. Если бы не его желание обзавестись ребёнком, мы бы так и остались в рабочих отношениях.

Он — вояка, вернувшийся с войны. А я всего лишь студентка, проходящая практику у психолога, к которой он попал на приём.

Невольно вспоминаю нашу первую встречу. И, горько улыбаясь, отхлёбываю чай.

Два года назад

— Я справлюсь, — уверенно заявляю, торопясь за своим куратором. — Это как раз то, что мне нужно! Тяжёлый слу-

чай.

— Слава, тут тебе не Рублёвка, — даже не оборачиваясь, женщина продолжает быстро шагать по коридору, вновь игнорируя мою просьбу. — Никто перед тобой расшаркиваться не будет.

— При чём здесь это? Мне нужна практика.

Уверена, я справлюсь с неотёсанным мужланом, матерящимся через слово.

Психология — наука сильная.

Мы подходим к кабинету, и я не успеваю продолжить мольбы, как слышу дерзкий и глубокий бас:

— На хрен мне психолог? Со мной всё в порядке!

В коридоре замечаю двух мужчин. Один — ничем не примечательный, обычный. А вот второй, матершинник, очень даже выделяется из толпы. Коротко стриженный затылок, широкие, я бы сказала, огромные плечи, очерчивающиеся даже в джинсовом тёмном костюме.

— Надо, Ярцев, надо. Это ты с виду нормальный, а в душе ранен, — произносит его собеседник, словно уговаривая. — У кого с психикой в порядке после такого?

— Я тебя сейчас раню, — грозно выпаливает, поворачиваясь к нам профилем и демонстрируя отросшую щетину и идеальный ровный нос.

— А ты не угрожай мне, — второй набирается храбрости, выкатывает грудь колесом. — А то я начальству доложу.

— Да плевать. Я ухожу, — дерзко и равнодушно кидает.

— Хоть напоследок сходи к врачу!

— К мозгоправу? Никогда. Я лучше пойду и головой в фонтан окунусь. Остужу её. Намного больше толку.

Как пренебрежительно!

— Это ты на день ВДВ со своими знакомыми сделаешь. Иди, сказал.

Он пробует сдвинуть его с места, но попробуй эту гору мышц хоть на шаг подвинуть — только глаза лопнут от перенапряжения.

— Ладно, Слава, — вдруг произносит Антонина Анатольевна, заставшая эту картину. Её пыл явно угас от встречи с пациентом. А это именно он. Мой тяжёлый случай. — Вот твой пациент. Приступай.

Мужчина, чей затылок уже пугает, оборачивается. Услышал слова моего куратора и решил встретиться с «мозгоправом» лицом к лицу?

Встречаемся глазами.

Чёрт... Какой красивый. Нереально. Глаза небесно-голубые. Волосы светлые. Тело такое, что спрячешься за него — и ни одна пуля не заденет.

Смотрит на меня сверху вниз так, что со своим метр семьдесят два я ощущаю себя Дюймовочкой. А ведь я ещё на небольшом каблуке.

— Мозгоправ, — хмыкает, оглядев меня с головы до ног. Ничего нового он на мне не увидит. Обычная юбка-карандаш, белая блузка и туфли. Его взгляд меняется, когда дело

доходит до той самой юбки. — Неплохой. Ладно, пошли, поговорим.

И усмехнувшись, первый открывает дверь кабинета, бесцеремонно вторгаясь в него.

— Удачи, — поддерживающе бьёт мне по плечу его товарищ, проходя мимо.

А я крепче сжимаю блокнот. Собираю все силы в кулак. И, уверенная в них и в себе, захожу в кабинет за мужчиной.

Глава 3

Станислава

Мужчина вальяжно располагается в кресле. Прохожу мимо, упрямо сверля своё рабочее место взглядом.

Я справлюсь.

Тут же в спину доносится одобрительный свист.

Не первый в моей жизни, поэтому понимаю, чему посвящен этот звук и куда он смотрит.

— Я уже готов записаться на следующий сеанс. Только что понял, что у меня большая, упругая, душевная проблема.

— Вы имели в виду глубокая? — пытаюсь перевести внимание со своей задницы. Наконец-то обхожу стол и прячу обтянутую юбкой попу в кресле.

— Может, и глубокая, — усмехается, говоря с намёком. Вот же извращенец.

Надо взять себя в руки. Я и не таких встречала.

Открываю свой блокнот и заодно поглядываю на его чистую карточку с основными данными. Неудивительно, у «мозгоправа» он никогда не был.

— Демьян Константинович, — повторяю его имя и отчество.

— Я, — отвечает, как в армии. Серьёзно, чётко, потирая подбородок.

— Имя у вас красивое, — улыбаюсь, делая комплимент и

поднимая взгляд на мужчину.

— И совсем мне не подходит, — раздражённо выдаёт.

— Я так не думаю, — открываю блокнот и беру ручку.

— Давайте начнём. Зачем-то же ваш товарищ притащил вас сюда?

— Думает, что у меня поехала кукушка, — закидывает ногу на колено и нервно дёргает ступнёй. Нервничает?

— Почему он так думает? — пытаюсь деликатно подойти к проблеме.

— Я вернулся из горячей точки. Единственный выживший.

Сглатываю на этих словах.

Значит, он военный...

Если присмотреться — с первого взгляда не похож. А когда сказал об этом — я пригляделась вновь и невольно заметила рубцы на руках.

— Думает, что, раз я повидал смерть своего отряда, у меня могут заехать шарики за ролики.

Частая практика.

— Например?

— Это лучше спросить у него и моего бывшего начальства. У них богатая фантазия и опыт. Я чувствую себя превосходно.

Отрицание?

— После возвращения у вас не появлялись какие-нибудь навязчивые мысли?

— Например? — отвечает мне в тон.

— Желание закрыться в комнате, никого не видеть, боязнь выйти на улицу?

Он неожиданно встаёт, упирается ладонями в стол. Наклоняется в мою сторону совсем немного. И, склонив голову набок, вдруг чеканит:

— Только что захотел закрыться с тобой в одной комнате. И чтобы нас никто не видел.

Я должна почувствовать раздражение от этих слов и того, что приём идёт не по плану. Но отчего-то моё лицо озаряет смущённая улыбка, и я качаю головой.

Вот же шутник.

Для него этот приём — всего лишь для «галочки».

— Садитесь обратно, — прошу его.

— Я серьёзно, — заявляет несвойственным для него голосом. Уголки губ опускаются, и мне уже не до смеха. Подняв взгляд, вслушиваюсь в его слова. — У меня появилась одна мысль. Тогда. Когда лежал с пробитым животом и истекал кровью.

— Какая? — сглатываю, представляя эту картину. Как на бледной коже этого мужчины появляются красные пятна крови.

— Понял, что, если сдохну, никто не будет горевать. Никто не будет ждать меня дома. Некому ждать. Я не оставил после себя никого. Почти тридцатник, а у меня ничего нет. Ни жены, ни детей. И в тот момент меня словно переклини-

ло. Дал себе слово — если выживу, во что бы то ни стало обзаведусь семьёй. Ребёнком. Поменяю свою жизнь. И оставлю после себя хоть что-то. И сдохну со спокойной душой.

Я ловлю каждое его слово. Не как психолог. А как обычный сострадающий человек.

Наверное, это тяжело. Лежать на холодной земле, умирать и знать, что и горевать некому. Одиноко и больно.

В какой-то мере я его понимаю. Несмотря на то, что у меня есть мама и брат, я могу назвать себя одинокой. Особенно после того, как матери не было до меня дела, а брат ушёл в бизнес, и у него не осталось времени на меня. А потом мы выросли.

И чувство одиночества только усилилось.

— И на каком вы этапе к достижению цели? — спрашиваю чисто из интереса. Нельзя так, Слава, нельзя. Нужно смотреть на него как врач. Но почему это не выходит?

— На поисках жены, — вдруг усмехается, поглядывая на меня. — Ты как раз в моём вкусе.

— Хм, — всё, что могу сказать.

Я тоже хочу ребёнка. Из-за того же чувства, что и у него. Но искать ради этого кого-то я бы не стала. Когда придёт время, тогда и будет.

— Ребёнка ведь можно усыновить, — начинаю говорить не по теме. Всё потому, что он выбивает из мыслей и не даёт сосредоточиться, стоя вот так напротив меня и смотря сверху.

— Хочу своё, родное, — отрывается от стола и наконец возвращается обратно в кресло.

Ясно... Он не похож на душевно раненого войной человека. Отчасти.

Заиметь потомство, продолжение рода — естественное желание. Не вижу ничего в этом парадоксального.

— Как видите, с мозгами у меня всё в порядке, — стучит по виску. — И в лечении не нуждаюсь. Хотя... Душа болит. Подлечите?

Опять намёк. И снова пытается смутить.

И кто дал ему эту внешность и такое обаяние?!

Он совершенно не в моём вкусе, но берёт языком и проклятой харизмой.

Но нет. Меня так просто не возьмёшь.

— Это вам к психиатру. У него много душевнобольных, — смягчаю отказ улыбкой.

— Так изысканно меня ещё не отшивали, — хмыкает, но по глазам вижу — не сдастся. — Ладно, мозгоправ. Когда следующий сеанс?

— Думаю, — закрываю блокнот и выдыхаю. Надеюсь, я правильно сделаю, но не вижу в этом мужчине никаких проблем, — вы не нуждаетесь в лечении.

— Жаль, я уже настроился.

— Нужно радоваться, что такие события прошли для вас бесследно.

Опять сердце сжимается от мысли, что этот человек чуть

не умер.

Смерть всегда вызывает страх. И как бы ты ни работал с мозгами и ни понимал, что все мы окажемся на том свете, чувства контролировать невозможно.

— Как сказать, — задумчиво отвечает, вставая со своего места. Поправляет джинсовку и проводит пятерней по волосам. Застывает на мне взглядом ещё на несколько секунд. И вдруг выдаёт: — А у вас когда-нибудь было огромное желание, почти одержимость к чему-либо?

Станный вопрос. Чем он одержим? Идеей завести ребёнка?

— Вам нужен совет?

— Да, отчасти.

— Нет, извините, — нагло вру.

Я, как и он, хочу детей. Только для того, чтобы не остаться одной. Хочу дарить свою любовь. Хоть кому-то.

Но делиться подобным с пациентом — неприемлемо.

— Всего хорошего, — потираю плечами его.

Ярцев уходит, о чём-то задумавшись.

И всё. Я понимаю, что мы больше не увидимся.

Проходит неделя, но я не могу забыть о наглом вояке с желанием завести ребёнка. На секунду хочется узнать его номер телефона, написать и узнать, как у него обстоят дела. Но прогоняю эту мысль.

Понимаю, откуда она. Просто я нашла родную для себя душу.

В очередной день я, как обычно, прихожу на практику, захожу в кабинет, где меня ждёт пациент.

Замечаю знакомый коротко стриженный затылок. И сердце прыгает к горлу.

Он?

— Здравствуйте, — привлекаю к себе внимание. Демьян кидает взгляд через плечо. И моя улыбка сама появляется на лице. — У вас же нет проблем.

— Появилась, — как-то медленно тянет, постукивая пальцем о колено. — Постоянно думаю об одной девушке. И ничего не могу с этим поделать. Не подскажете, что с этим делать?

— Вы рассматриваете её в качестве кандидатки на роль будущей супруги? — прохожу вновь мимо. И опять горящий взгляд, но на этот раз на лопатках и волосах. Те места прям пылают.

— Очень даже.

— Пробовали с ней поговорить?

— Отчасти.

Сажусь в кресло и закидываю ногу на ногу. И задумчиво накручиваю на палец прядь волос. Глупая привычка, когда мысли разрывают голову.

— А на свидание звали?

— Нет. Но на предложение уединиться она ответила отказом, — усмехается.

— Конечно же! — негодную — как женщина, а не как пси-

холог. Опять я перехожу черту, говоря с этим мужчиной не как с пациентом. — Кто сразу согласится?

— То есть нужно приглашение на свидание? У меня впервые такой опыт. Обычно девушки сами вешаются на меня. Но я не хочу так знакомиться с матерью моего ребёнка.

Не удивлена, что у него было много девушек. Внешность цепляющая.

— Да, попробуйте, — киваю.

— Тогда... — он встаёт с кресла, направляется ко мне. И, как в прошлый раз, встаёт напротив, упираясь ладонями в стол. — Сходим на свидание?

Чего? Так та девушка — это я?

Глава 4

Настоящее

Конечно, я тогда отказала. Это неэтично и непрофессионально — встречаться со своим пациентом. О чём ему тогда и сообщила. Но отказа он не принял, поэтому напирал, ухаживая так, что в один момент я сдалась.

Решилась узнать его получше. И растворилась в том человеке раз и навсегда. Мы были словно два кусочка паззла, которые идеально подходили друг другу. Понимали с полуслова. Имели общие интересы, желания...

Никогда мне не попадался такой человек, как он.

Единственное, что меня останавливало — его чувства. На тот момент мне казалось, что я обычная девушка, которая бы смогла выносить и родить ему ребёнка. И хоть он развеял эти мифы, я снова думаю об этом.

Неужели я и правда была всего лишь инкубатором для него?

Не верю... Он был искренен. И я была любима.

А тут так легко меня предал.

Интересно, если у него был сын, зачем он вообще женился на мне?..

Или он узнал о нём недавно?

Хороший вопрос, но сейчас я не желаю слышать на него

ответа. Слишком больно.

— Слушай, — гладит меня по плечу Маринка. — Может, на Бали смотаемся? На море искупаемся. А ты мозги проветришь. Подцепишь там какого-нибудь мужчину, курортный роман организуешь. Может, забеременеешь.

Кидаю в неё осуждающий взгляд.

— Ну, а что? — разводит руками. — Какая разница, кто донор спермы, а? Зато убедишься, что дело не в тебе. А в нём. И это — его наказание.

Я сумасшедшая, но я не хочу делать ему ничего плохого. И не желаю никакого наказания.

Да, он предал меня. Но я настолько слепо его люблю, что... не могу.

— Это не моё, — пресекаю на корню её затею. — Ненавижу неизвестность.

Она ещё несколько минут постукивает пальцами по столу.

— Мы давно в Питер хотели сгонять, — всё же не унимается с попыткой «проветрить» меня. — Давай? А я компанию составлю.

И к этой мысли отношусь со скептицизмом. У меня приёмы на месяц вперёд расписаны.

Хотя как я могу лечить, если сама нездорова?

Со вздохом опускаю голову на стол.

— Не сейчас, — не могу ни о чём думать, тем более о какой-то поездке в Питер, и прикрываю глаза.

Хочу уснуть. И все равно, что на твердом столе. Главное

— убежать от реальности. Хотя бы на пару часов.

Через два дня мы подаём на развод.

Большинство женщин чувствуют облегчение, а я... Не знаю. Не верю. Будто это всё сон.

И сейчас, стоя под козырьком ЗАГСа, пока ливень льёт как из ведра, по привычке жду Демьяна.

Что я ощущаю? Чёрт его знает. Огромную зияющую рану в груди.

Чувство, будто он сейчас придёт, скажет, что пошутил. А я накинусь на него с кулаками, крича, что эта шутка — самая глупая на свете.

Но нет. Ярцев приезжает через несколько минут, поднимается по лестнице. Молча здоровается кивком головы, открывает дверь помещения и первой пропускает меня внутрь.

И почему я не сделала этого раньше? Глупая привычка дожидаться его.

Мы заходим в кабинет, садимся в кресла и проходим обычную процедуру.

Не смотрим друг на друга, не пытаюсь вступить в диалог и как-то решить проблему.

— Причина развода?

Никто из нас не спешит отвечать.

А что мне сказать? Что я неполноценная?

Думаю об этом, и зубы скрипят. Это ещё доказать нужно, что проблема во мне.

— Чувства остыли, — спустя долгое время молчания чеканит Демьян. Звучит, как выстрел. Добивающий.

Остыли...

Опять доказывает то, что любила искренне и сильно только я. А я же для него — лишь сосуд для его будущего ребёнка.

Козёл.

Ладони непроизвольно сжимаются в кулаки.

— У пар бывает сложный период. Это не повод разводиться. Есть ещё причины?

— Нет, — опять резко отвечает муж. Точнее, в скором времени бывший муж.

— Есть ещё причины?

— Да.

— Вы должны их озвучить, — раздражённо отзывается сотрудница ЗАГСа. Даже не смотрю на неё, считая эту картину на её стене интересней, чем всё остальное.

— Просто разведите нас. Этого хватит?

Слышится какой-то шелест.

Поворачиваю взгляд на женщину и её стол, за которым она сидит. И горько усмехаюсь.

Ярцев, ты серьёзно? Платишь ей, чтобы нас развели? Как же быстро тебе хочется под крыло к другой!

Вижу растерянность в её глазах. Сумма наверняка велика. Она её и за всю жизнь не видела.

— В любом случае... Мы даём вам месяц на примирение,

если... — она смотрит на меня, будто спрашивая, нужно ли мне это время. Буквально уговаривает.

И я, болтая ногой и раздражаясь от ситуации, желаю как можно быстрее убраться отсюда.

— Разводите, — произношу уверенно и упрямо.

Не вижу смысла цепляться за мужчину, которому я не нужна. Как и убиваться по нему. Себя нужно ценить, что я и делаю.

Соглашусь на предложение Маринки и уеду с ней в Питер. Развлекусь, отдохну. Найду себе другого. Того, кто будет ценить меня как человека, а не ходячую матку.

— Хорошо, — она быстро хватает наши документы, удаляясь на десять минут.

Всё это время мы сидим в тишине. Не говорим друг с другом, будто чужие.

Сотрудница ЗАГСа возвращается с нашими паспортами. Счастливая до ужаса.

— Ваши документы, — протягивает нам. — Всего доброго. Приходите ещё.

Последние слова звучат иронично. И она, поняв, что сказала, нервно смеётся.

А нам плевать. Мы равнодушно забираем свои документы и уходим.

Вот и всё.

Я иду по коридору с гордо поднятой головой. Выхожу на улицу и усмехаюсь.

В фильмах обычно говорят, что погода плачет вместе с героиней. И если героиня этого фильма я — то нехрен лить слёзы, погода.

Жаль, что она не слышит, и дождь продолжает лить как ненормальный. Даже добежать до машины и не промокнуть насквозь будет той ещё задачкой.

Сказать своему бывшему мужу на прощание пару «ласковых»?

Можно было бы. Но...

— Твой сын, — решаюсь заговорить об этом вновь. И как доступ к кислороду перекрывают.

Эй, Слава, он тебя использовал!

Жадно глотаю воздух, придя в себя.

— Ты знал о нём до того, как мы поженились?

Оборачиваюсь. Заглядывая в небесно-голубые глаза. А с ними что-то не так. Море из эмоций. Настолько разнообразные, что не могу выцепить и одной.

— Нет, — произносит, поднимая свою ладонь. Как раньше, пальцами подцепляет вязаный шарф, натягивает мне на макушку. Чего?..

Теперь ясно, с чего такие резкие перемены. Как только узнал о ребёнке, потерял во мне весь интерес. Больно.

Секунда — и я вижу Ярцева, сбегającego по ступенькам, вниз, к своей машине.

— Удачи, — раздаётся тихо.

Ладонь сама тянется к макушке. Что за приступы заботы

после развода, а?

А это «удачи»?

Идиот ты, Ярцев!

Мотаю головой. Скидываю с головы шарф. И, спустившись следом, иду в противоположную сторону, к своей машине. С намерением начать новую жизнь с чистого листа.

Осталось совсем немного. Только фамилия. И всё, я оборву все связывающие нас с Ярцевым нити.

Глава 5

Станислава

Проходит несколько дней, которые я провожу с семьёй. А потом всё же решаюсь на приглашение подруги. И собрав вещи, вместе с ней лечу в дождливый Питер.

И это так классно — гулять свободной женщиной по набережной, вдыхать полной грудью запах, пропитанный дождём.

Так спокойно, безмятежно. И всё, что хочется — закутаться в пальто, зайти в кофейню и выпить чашечку кофе для того, чтобы согреться.

Правду говорят — обстановка меняет настроение, отвлекает человека.

И я решила остаться здесь. Начать жизнь с чистого листа.

В таком случае я не встречу с Демьяном на общих приёмах. Мне не надо озираться по сторонам, боясь увидеть его ещё раз.

Отрекусь навсегда. Оставлю всех в Москве. Кроме родственников, конечно, к которым буду приезжать раз в пару месяцев.

Мне ещё нужно сообщить им, что я развелась, но делать этого не хочу. Моему брату это не понравится. И он, разозлившись, наломает дров. А я просто хочу всё отпустить и забыть.

И уверена, новый город мне в этом поможет.

Независимая от всех Маринка переезжает следом, подерживая мою авантюру. И мы начинаем жизнь сначала. Без мужчин. С амбициями и планами на будущее.

Я наконец-то занимаюсь тем, что не травмирует мою душу — углубляюсь в детскую психологию. До этого я не могла дотронуться до неё, вечно думая о том, что у нас никогда не будет нашего с Демьяном маленького счастья.

А сейчас без груза ответственности и разочарования в себе из-за того, что не могу забеременеть, решаю основать свой детский центр. Деньги есть, как и стремление.

Ничего, выберусь, справлюсь.

Я — не первая преданная брошенка и не последняя. Главное — как можно дальше быть от Ярцева. Обрубить с ним всё, что есть.

Фамилию меняю без проблем. И меня уже ничего с ним не связывает. Кроме воспоминаний.

— Слава-а-а, — тянет подруга, отвлекая меня от одновременного поедания салата и чтения книги. Как знала, что Маринка не даст мне почитать. А я добралась до самого интересного.

— Что? — отрываюсь от учебника. Настроение самое оно для учёбы. Дождь, пасмурно, а мы сидим дома.

— Ты нормально себя чувствуешь? — выгибает бровь подруга.

— Ты о чём?

— Ты ешь салат с мороженым, — косится на мою тарелку с едой. — Не то чтобы я осуждала твои вкусы, но... Не боишься заболеть? Погода не очень.

— А? — взгляд падает вниз, на заказанный салат. И только сейчас замечаю, как уплетаю за обе щеки ЭТО. Стоит задуматься о вкусе во рту, как меня тут же мутит.

И я подсказываю из-за стола, спешу в туалет. Вываливаю из себя весь обед и хватаюсь за живот.

Обычная реакция на невкусную пищу. Я просто не заметила, как начала есть это дерьмо. Увлеклась чтением.

Не забиваю себе этим голову.

Только через пару часов рвота повторяется, а я ничего не пью, кроме воды.

— Акклиматизация, наверное, — поясняю подруге, садясь на барный стул в нашей квартире. Мы решили жить вдвоём. Точнее, она решила, чтобы я не сошла с ума.

Хорошая у меня подруга. И познакомились мы случайно — через друзей брата. Он у меня богач, владелец крупного издательства. Вот и познакомились через общие каналы.

— Не думаю, — задумчиво шепчет она. — Может, тест на беременность сделаешь?

Хочется засмеяться ей прямо в лицо.

— Блин, ты как пошутишь, — стираю слезу с уголка глаз. Довела своими приколами.

— Я серьёзно, — без намёка на шутку продолжает. — Я беспокоюсь. Понимаю, что тебе, возможно, неприятно слы-

шать от меня подобные слова, но давай сделаем тест.

Я отнекиваюсь. И пока думаю, что подруга успокоилась, она успела сходить в аптеку и вручить его мне.

— Не буду, — стою на своём.

— Тебе сложно, что ли? Писать пойдёшь, макнёшь — и всё. От тебя дополнительных действий не требуется. Я дальше сама подожду.

— Только для того, чтобы ты успокоилась, — бросаю книжку, которую так и не могу дочитать. И подпрыгнув с дивана, иду в туалет, где провожу все эти лёгкие манипуляции.

Выйдя из ванной, протягиваю ей тест.

— Видишь? — упрямо гну свою линию. — Ни-че-го.

Как и два года подряд.

Её глаза удивлённо округляются, когда она смотрит на протянутую мной полоску.

А я уже привыкла, что там всегда одна черточка. Но в этот раз расстраиваться не буду. Хватит с меня.

— Слав, — говорит медленно и растерянно, словно контуженная, — глянь, а?

Закатив глаза, всё же смотрю на белую тонкую палочку. Что там? Три полоски? Первые в истории, обозначающие, что на меня наслали порчу.

Застываю. И впервые вижу в реальности то, о чём только могла мечтать.

Не веря, поднимаю на Маринку взгляд, пытаюсь понять — у нас массовая галлюцинация или...

— У меня двоится? — аккуратно спрашиваю её.

— Нет! — отрицательно машет головой, всё ещё пребывающая в прострации. И тут же прыгает мне на шею, едва не задушив меня, радостно восклицая: — Поздравляю! Славка, ты беременна!

Пока подруга обнимает меня, делаю попытку пошевелиться. Руки вместе с тестом зависли в воздухе.

Как так? В смысле беременна?

— Может, он бракованный? — спрашиваю пересохшими губами.

Марина отрывается от меня, тут же потускнев.

— В больничку запишись, узнаешь.

Страшно. Не хочу туда идти. Только потому, что меня сейчас устраивает та правда, что осела в моей голове.

Но надо. Иначе придётся жить в иллюзии. Будет горько, когда пройдут месяцы, а живот так и не появится из-за некачественного теста.

Поэтому на следующий день я беру себя в руки. Вместе с подругой записываюсь в женскую консультацию и иду на УЗИ. С волнением ожидаю своего приговора, когда мужчина в годах прикладывает датчик к животу.

Как же сейчас не хватает чьей-то ладони, которую можно сжать!

— Что там? Ничего? — не дождавшись вердикта от врача, выпаливаю в испуге.

— Как же ничего? — добродушно улыбается доктор, про-

должая водить датчиком по низу живота. — Беременность подтверждаю. Да не простую, а многоплодную.

Шум в ушах, сердце на разрыв от услышанного.

Внутри всё словно взрывается, как воздушные шарик.

— Много?.. — хрипло срывается с губ.

— Плодная, — договаривает за меня. — Да, гляньте.

Поворачиваю голову в сторону экрана и смотрю на два маленьких пятнышка.

Но почему? Как такое произошло?

Два года — всё безуспешно. А тут, когда всё уже разрушено, Бог дарует мне счастье в виде двух малышек. ДВУХ!

Пальцы трясутся, и всё тело пронзает дрожь от нахлынувших слёз и подступившей истерики.

Почему этого не произошло раньше?.. Может, я смогла бы сохранить семью?

Мотаю головой. Нет, нельзя думать о подобном. Какой смысл жить в семье без любви?

Я помню слова Демьяна.

«Чувства остыли».

Так пусть и дальше покрываются корочкой льда. Терпеть брак только из-за детей я не смогу, особенно зная, что он меня не любит.

Но чёрт... Я готова разрыдаться от счастья, что сейчас и делаю. Пока врач говорит заумные слова, объясняя про многоплодную беременность, я слышу только собственные всхлипы и смех. Вытираю слёзы тыльной стороной ладони и

выхватываю салфетку, учтиво поданную доктором.

Вытираю слёзы, сопли.

Получилось!

Господи, как же я счастлива! Настолько, что за спиной появляются крылья, на которых я готова улететь отсюда.

Это же сколько всего сделать надо...

Сообщить маме, брату. Купить квартиру... Это же придётся бросить идею с детским центром? Или вернуться домой, где есть родные? Жена брата всегда меня поддержит, поможет, наставит...

Но как подумаю о том, что увижу Ярцева — так всё желание отпадает.

Нет, как я и хотела, останусь здесь. Сообщу родственникам о беременности. И о разводе. И как-то поговорю с братом, чтобы он не пылил.

Голова раскалывается!

— Тише-тише, стресс вам сейчас вреден.

Я киваю, пытаюсь прийти в себя. Я всегда была аккуратна, боясь сделать что-то лишнее, из-за чего беременность могла не наступать. А теперь буду бдительнее на тысячу процентов. Чтобы сохранить своих малышей.

Закончив УЗИ, собираюсь и буквально вылетаю из кабинета, сжимая в руках заветные бумажки. Марина подпрыгивает со стула и замирает в ожидании.

— Ну?!

Не могу сдержать улыбку.

— Десять недель, — отвечаю с придыханием.

Подруга с визгом кидается мне на шею, как и вчера. Чуть не душит. А потом, придя в себя, отстраняется и буквально сдувает с меня пылинки.

— Так-так, нам срочно нужно купить кроватку, коляску... А вещи! Сколько вещей надо купить! — паникует вместе со мной. Да я сама в прострации!

— Две коляски и две кроватки, — поправляю её. Глаза расширяются от удивления.

— Да ладно?!

Кивнув, прижимаю к себе снимки.

И в очередной раз задаюсь вопросом — почему это случилось сейчас? После нашего развода? Потому что не подходили друг другу? И жизнь отгораживала нас, не желая этого союза?

Или дело в голове, в нервах, настрое?

Когда совсем отчаялся и не ждёшь, оно приходит.

Даже если так... Пусть!

Главное, что это — наступило!

Опускаю ладони на пока ещё плоский животик, в котором появились маленькие жизни. И расплываюсь в улыбке.

Ничего, зайки, мы будем самыми счастливыми на белом свете.

Глава 6

С трудом стою на ногах и не могу прийти в себя от того, что вижу своих мальчиков. Не на скринингах, а рядом, вживую. Так мило возятся в своих кроватках, барахтаются ножками и ручками, закрытые тканью комбинезона.

Почти неделя прошла со дня кесарева, а они по-прежнему для меня нереальны. Несмотря на то, что каждый день беру их на руки, целую в макушку и прижимаю к себе, кормя грудью.

— Пожарская, к выписке готовы? Там уже ваши приехали, — отрываюсь от любования своими чадами на вошедшую в частную палату женщину. Брат заморочился, сказав, что я и его племянники в общей палате лежать не будем.

— Да-да, мне только помощь нужна.

Медсестра помогает мне собрать близняшек. Берёт одного мальчика на руки, а я прижимаю второй конверт к груди. И со спокойной душой выхожу в коридор.

Восторг и предвкушение заполняют с головой.

Знаю, что ко мне приехали брат, Люба, Астрочка, мама... И сейчас встречают меня с тихими возгласами, боясь разбудить мальчиков, которые давно не спят, как будто в ожидании.

Вот она — моя настоящая семья... Приехали, несмотря на расстояние.

— Ну, папа, принимайте сына, — говорит медсестра, передавая малыша в крепкие руки брата. Он тут же хмурится, но послушно делает это. В коридоре повисает гнетущая тишина, которую нарушает Глеб.

— Блин, у нас такой же будет? — выдаёт брат и поглядывает на живот своей жены, которой рожать через месяц. О беременности мы узнали с разницей в две недели, и у обеих мальчики.

— У вас нет, — хмыкаю, гордясь своими мальчишками. — А у меня такой уже есть.

И язык ему показываю. Мама осуждающе глядит на меня, ругая за ребячество. А я что? У меня прекрасное настроение. Спустя несколько месяцев встречаюсь с дорогими мне людьми.

И сейчас вместе с братом и детьми направляюсь на выход, чтобы сфотографироваться на фоне родильного дома.

— Что ты решила насчёт Ярцева? — в очередной раз спрашивает брат, затрагивая неприятную тему. — Скажешь ему?

Поджимаю губы.

— Ещё не решила.

Не знаю, надо ли? С одной стороны — да. Он ведь так хотел наследников. А теперь вместо одного у него будет целых три. А с другой... Пусть живёт своей жизнью. Я не хочу в неё лезть.

— Упёртая ты, капец, — осуждающе шепчет Глеб. Он ты-

саячу раз пытался вернуть меня в Москву. Но я наотрез отказалась. И главная причина — Демьян. Хоть Глеб и говорил, что в последнее время они нигде не встречались. Но Пожарский-старший сейчас готовится к пополнению, поэтому ему не до «светских раутов».

Новость о моём разводе он воспринял спокойно. Конечно, я не сказала ему о причине, лишь о том, что мы решили разойтись, поскольку, как выразился сам Демьян, «чувства угасли». И после этого они и не общаются.

— Я так решила, — говорю стойко. — Мне нравится здесь. Тем более я готовлюсь к открытию центра.

— Помню я, помню.

Беременной мне было скучно, поэтому я всё же решила окончательно добиться того, чего хотела. Конечно, сейчас пришлось переложить многие дела на других людей. К своим обязанностям вернусь позже.

А пока... побуду мамой.

После выписки родные задерживаются ненадолго — буквально на пару дней, помогая мне с близнецами, имена которым я так и не смогла выбрать. Какие же были жаркие дебаты... Как вспомню, так вздрогну.

И теперь в нашей недавно купленной квартире мы остаёмся втроём.

Я переехала от Марины, решив, что недосыпание от моих детей должно быть только у меня. Мы по-прежнему дружим,

хоть у нас и разные интересы. И пока она развивается в своей сфере, я ударились в психологию и медицину.

А теперь ещё и в материнство.

Улыбаюсь, смахивая тонкие волоски со лба моего мальчика. Оба волосатые родились, прямо как и их отец. Помню, как он рассказывал неточно подобное.

Интересно, как он там? Счастлив ли с новой женой?

Опять задумываюсь — сообщить ему о детях или нет?

Он же должен знать?

Этими вопросами будто уговариваю себя сделать это.

Я не буду цепляться за него, но о детях сообщу.

И как бы это глупо ни звучало, на следующий день отправляю ему письмо. По адресу, где находится его компания. Не знаю, где он сейчас живёт, но оттуда точно попадёт к нему в руки.

Положила в конверт снимки с УЗИ, сохранившиеся с того времени. Фотографию, сделанную на выписке наших малышей.

И подписала: «Ты папа».

Сначала хотела оставить его без подписи. Но вдруг он подумает, что они не его, а я просто хвастаюсь, что я смогла родить от другого?

Сделав всё, попросила подругу, и Марина отправила письмо.

Почему так старомодно? Так вышло. Я удалила всё, что с ним связано. Номера, почты... И хоть первый знаю наизусть,

боюсь, я струшу, как только открою нашу переписку.

Поэтому, считай, почта решит нашу судьбу.

Дойдёт или нет?

Подруга на всякий случай оформляет ещё и уведомление о вручении. Чтобы мы узнали — получил его адресат или нет. Я вообще сомневаюсь, дойдёт ли письмо до него. Может, затеряется в корпоративных письмах или кто-то выкинет. Кто его знает? Главное, что меня не будет мучить совесть от молчания.

И спустя две недели мне приходит уведомление. Демьян получил письмо.

И потом... Ничего. Ни звонка, ни отписки.

И мне остаётся лишь гадать, почему он не позвонил мне, не поздравил. Увидел и сделал вид, что ничего не произошло? Или так и не прочитал?

Плевать. Это уже не моё дело.

Для меня сейчас главное — мои малыши.

Глава 7

Спустя три с половиной года

Станислава

— А теперь перепрыгиваем через бордюр и... — поддерживая мальчиков за ладошки, помогаю им с лёгкостью запрыгнуть на дорожку. Хотя они и сами с этим прекрасно справляются. Выросли уже, а для меня всё ещё те карапузы, что толком не могли и на ногах стоять. — Бежим-бежим!

Опаздываю!

А всё потому, что мальчишки подрались прямо у выхода из квартиры, не поделив, кто из них откроет дверь.

Конечно, победу одержала я, потащив обоих на выход. А потом ещё пробка из-за снегопада... И вот мы всей семьёй забегаем в детский центр, я с улыбкой приветствую коллег и в то же время подчинённых.

— Станислава Александровна, к вам уже пришли, — сообщает Настя на стойке регистрации вместо приветствия. И тут же исправляется, улыбаясь. — Доброе утро!

— Привет, Насть. Да, сейчас, только мальчишек Маше закину, — еле дыша, останавливаюсь у регистратуры. Присев, раздеваю своих поросят, умудрившихся испачкать синие комбинезоны. Когда успели?! Со мной же постоянно были. — Позови пока её, пожалуйста.

— А я уже тут, — слышится над голой женский бодрый

голос. Поднимаю полный благодарности взгляд на девушку в голубой униформе. Попивает кофе в ожидании, когда придут её маленькие ученики.

Немного пользуюсь своим положением, как владелица центра, и гоняю малышню то по врачам, то в бассейн, то на развивашки. Ну а что? И под присмотром, и делом заняты. В субботу, когда у меня рабочий день, а сад не работает — это просто отлично.

Заканчиваю с раздеванием и поправляю одежду на сыновьях.

— Так, — говорю строго.

— Сусаемся стасих, — сразу зачитывает правила Костя, как мантру. — Не сумим.

— По зданию не бегаем, — заканчиваю, потрепав обоих по макушкам. И тут же приглаживаю растрёпанные волосы. — Только там, где Маша разрешит. Да?

— Дя, мам, — Костя расплывается в улыбке и коротко, быстро, обнимает меня. Ох уж эти мальчишки... Раньше висели на мне, а теперь дают пару секунд нежности. Они же мальчишки! Никто не должен видеть, как они любят маму!

И это не моё мнение, это мне так Костик сказал однажды, когда из садика пришёл. Уже хочет стать взрослым... Дурачок.

Перевожу взгляд на Сашку. Треплю его по щёчке и ласково улыбаюсь.

— Держи брата под присмотром, хорошо? — спрашиваю

у него, и в ответ мне летит серьёзный кивок. Вздыхаю и выпрямляюсь, поражаясь, что прошу младшенького присмотреть за старшим. А что поделать, если первый заводной и весёлый, с шилом в попе, а второй спокойный и ленивый настолько, что даже в свои три с половиной года не проронил ни единого слова?

Задержки речи в таком возрасте вызывают тревогу, но я не накручиваю себя. Пару месяцев назад мы начали активное лечение, и я чувствую, что Сашка вот-вот заговорит от скуки. И благодаря работе с дефектологом, как же без него?

— Всё, я побежала, — целую своих ангелочков в щёчки. Они в ответ ещё раз обнимают меня, и я, отдав их Маше на «развивашки», спешу по коридорам детского центра в свой кабинет.

Удалось не опоздать, и я принимаю первого пациента. Потом второго. Дальше — рутинные заботы директора. Затем небольшая планёрка, обсуждение с заведующими. Одна бы я со всем не справилась, поэтому у меня есть заместитель и в то же время помощник, отвечающий за срочные дела, закупку нужных материалов и коммуникацию с другими сотрудниками.

На сегодня остаётся последний пациент, после которого мы поедem домой. А пока, шагая к кабинету, я ещё раз просматриваю исследования своего сына.

Как и ожидалось, физического отклонения нет, но Сашка продолжает активно игнорировать необходимость говорить.

Даже когда мы общаемся с ним на эту тему, он словно отказывается отвечать на мои вопросы. Всё слышит, понимает, но упрямо молчит.

Судя по всему, беда кроется внутри. Но что именно терзает моего мальчика — пока понять не могу. Уже и правда начинаю думать, что это забастовка после того, как я отказала ему притащить утку домой.

Со вздохом останавливаюсь у огромного окна и поглядываю на близнецов, рисующих в классе каракули на листах. Делают это так увлечённо, задумчиво, что невольно люблюсь ими. И улыбнувшись, с трудом отвлекаюсь от созерцания и возвращаюсь в кабинет.

Стоит только опуститься в кресло, как по селектору раздаётся звонок.

— Станислава Александровна, к вам пришли.

— Хорошо.

Опять задумчиво поглядываю на документы своего сыночка.

Думаю, ему нужна встряска. Может, поехать к Глебу? Они давно не виделись с Астрой. Та точно быстро разговорит моего молчуна. Может быть, но времени сейчас катастрофически не хватает.

Вздыхаю и поглядываю на дверь. Долго идут...

Встаю со своего места и иду на выход с намерением пригласить посетителя в кабинет.

Открываю дверь и дружелюбно проговариваю привычную

фразу:

— Можете проходить.

Взгляд останавливается на мальчике лет семи-восьми. Светловолосый, высокий. И отчего-то черты его миловидного лица кажутся мне знакомыми.

Смотрю выше, на его отца, и столбенею.

Сердце начинает биться чаще и сильнее. Ноги врастают в пол, а язык словно прилипает к нёбу.

Быть этого не может... Демьян. Определённо он.

И что он здесь делает? Разве он не должен быть в Москве? Ничего не понимаю!

Мозг отказывается функционировать, и я широко распахнутыми глазами продолжаю сверлить родителя своего маленького пациента.

Ярцев удивлён не меньше. Он всегда показывает своё недоумение нахмуренными бровями, прямо как сейчас.

Его ладони опускаются на хрупкие плечи мальчика.

И только сейчас я в полной мере осознаю, что передо мной стоит мой бывший муж. Со своим ребёнком, о котором он так долго мечтал...

Глава 8

Станислава

Так! Возьми себя в руки!

Демьян — давно проработанная проблема! Бывшие есть у всех! И у меня тоже! Да, он поступил со мной некрасиво, изменяя. И если закрыть на измену глаза, то я бы тоже выбрала своих детей, а не его. Поэтому нет смысла злиться на тех, кто сделал правильный выбор.

Наше время давно прошло. И я должна жить дальше, а не теряться, как сейчас, перед ним, не зная, что сказать.

Он пришёл ко мне, как к специалисту. А не как к бывшей жене. Да ведь? Это странно, если всё окажется не так, и сейчас он всего лишь демонстрирует мне своего ребёнка.

Нет, Ярцеву и в голову подобное не пришло бы.

Но один вопрос всё ещё заставляет меня недоумевать от происходящего.

Что он здесь делает?

Наш центр хорош и пользуется популярностью, но не настолько, чтобы к нам приезжали миллиардеры из Москвы.

— Проходите, — возвращаю себе самообладание. Мельком замечаю, как взгляд Ярцева несётся на дверь. Туда, где висит табличка с моим именем. Выглядит так, будто он и не знал, что я здесь работаю.

Значит, всё же это — случайность.

Но почему он в Санкт-Петербурге?!

Прохожу вдоль кабинета, стуча каблуками о пол, на звук которых отвлекаюсь, считая шаги.

Это приводит меня в норму, и я сажусь в кресло, пытаюсь зацепиться в голове за ниточку, отвечающую за рабочий процесс.

Уже всё пошло не по плану. Обычно мой сеанс начинается с другого. Я налаживаю контакт с ребёнком обычной вежливостью. Отдельным приветствием и приглашением присесть, взять конфеты.

А здесь только растерянность.

Пытаюсь реанимировать ситуацию, когда Демьян с сыном садятся в кресло.

— Привет, — улыбнувшись, концентрируюсь на мальчике. Это точно он. Тот самый, с фотографии, которую прислала мне знакомая. И хоть прошли годы, черты лица врезались мне в память.

Невольно сравниваю его с Демьяном. Не похожи. Наверное, пошёл весь в мать.

А мои мальчики, наоборот, копия своего отца.

Тишина оглушает, но тут же разрушается спокойным голосом Демьяна:

— Он не говорит.

А, теперь понятно. Придётся беседовать с бывшем мужем? А может, сказать, что им нужно найти другого специалиста?

Закусываю щёку изнутри.

Неважно, кто его отец. Я должна сделать всё, чтобы помочь мальчику. Как бы тяжело это ни было.

Мягко улыбаюсь и указываю рукой на конфеты.

— Угощайся, не стесняйся.

Ребёнок не реагирует и, опустив взгляд, смотрит на свои ладони.

Чем-то напоминает мне Сашку... Всё слышит, всё понимает, но словно замкнулся в себе.

Прочистив горло, стараюсь не смотреть на бывшего мужа. Открываю свой блокнот, в начале чистой страницы собираюсь написать имя, но понимаю, что не знаю его.

Ладно, потом спрошу в регистратуре.

А сейчас... записываю: «Ярцев».

Сердце на этом моменте стучит быстрее.

М-да, с мозгами разобралась, а с чувствами, видимо, нет... Наверняка это всего лишь шок и острая реакция на личный триггер.

Вот именно, что триггер. Я должна была от него избавиться. И считала, что сделала это. Но проверить возможности не было. В моём распоряжении были только фотографии из интернета. И тогда тест прошёл успешно, а здесь... Всё коту под хвост.

— Он молчит с самого детства? Или говорил, но в один момент перестал? — обращаюсь к Демьяну, но взгляд от блокнота не поднимаю.

Почему я вообще продолжаю сеанс? Могу ведь отказать им. Имею полное право. Но стопорюсь, продолжая погружаться в это с головой.

Причина есть. Возможно, эта схожесть с Сашей. Точнее, их общая проблема.

— Говорил. И перестал.

— Была ли причина этому? Стресс? Из-за травли или эмоционального потрясения? Сколько это длится?

Мельком поглядываю на реакцию мальчика. Ему наверняка тяжело об этом слышать, но по-другому вывести информацию не могу. Тем более мне нужно видеть его эмоции и знать глубину проблемы.

— Полтора года, — отвечает легко.

Интересно, как Демьян себя ощущает, сидя напротив меня?

Всё же решаюсь перекинуть всё внимание на него. И теперь смотрю на него прямо, уверенно, изучающе. По нему не скажешь, что он растерян. Нет, взял себя в руки. Сидит в кресле и... Не знаю. Я перестала его читать.

На мгновение в этих голубых глазах я вижу его напряжённость. Злость. Из-за чего?

Но понятно одно — не одна я сейчас выхожу из зоны комфорта.

А в день нашего развода он был равнодушнее...

— Он узнал о потере близкого человека. И замолчал.

Сглатываю, вновь поглядывая на мальчика. Он сидит, не

шелохнувшись. Даже слеза не проступила.

И кого он потерял?..

Раз Демьян здесь... Значит, мама?

Невольно поглядываю на ладонь Ярцева. Мой пульс ускоряется от догадки.

Кольца нет. Неужели всё же мама?.. Тогда ситуация ещё тяжелее, чем казалась на первый взгляд.

— Почему обратились к специалисту только сейчас? — прячу сожаление в голосе.

— Его мать решила записать его на приём. До этого думала, что всё пройдёт само.

Так она жива?

Чёрт, Слава, спроси прямо! Тебе нужно это для работы. Но боюсь, что это будет выглядеть так, будто я интересуюсь его личной жизнью.

Но одно стало понятным — записывала мальчика на приём жена Ярцева. Поэтому Демьян и не знал, что врачом его ребёнка буду я.

Хочется усмехнуться, но держу себя в руках. Вот же, чёрт, совпадения.

Записываю несвойственным кривым почерком всё, что узнаю сегодня. Но исходя из этого, назначать лечение невозможно.

— Как его зовут?

— Данил.

— Данил комфортно себя чувствует наедине с чужими

людьми?

Ярцев на секунду замолкает. Смотрит на мальчика. И тот поднимает на него голову. Пересекаются взглядами, словно говоря друг с другом безмолвно. Данил кивает, из-за чего Демьян отвечает:

— Вполне.

— Тогда мы можем остаться вдвоём? Данил, ты не против?

Мальчик вновь опускает взгляд на свои ладони и коротко кивает. Демьян, встав с кресла, треплет его по макушке. Поддерживающе так, успокаивающе.

В грудной клетке щемит так, что сейчас вот-вот задохнусь.

Больно? Безумно.

Что мне приходится видеть, что он обращается так с ребёнком от другой женщины. А не с нашими малышами.

Интересно, он получил письмо? Прочитал его? Знает о них?

— Это надолго? — спрашивает меня Демьян.

— Мы проведём несколько тестов. От десяти до тридцати минут.

Кивает, на ходу доставая пачку сигарет.

А раньше он не курил... По крайней мере, когда мы начали общаться, он бросил эту пагубную привычку.

Бывший муж выходит из кабинета, и мы остаёмся с его сыном одни.

Я ласково улыбаюсь, отодвигаю личные проблемы на задний план. Достаю привычные для всех тесты. И, встав из-за стола, направляюсь к креслу, где минуту назад сидел Ярцев. Устроившись рядом, заботливо обращаюсь к мальчику: — Давай начнём?

Глава 9

Демьян

Делаю очередную затяжку и поглядываю на время. Двадцать минут прошло. Пора возвращаться.

Затушив сигарету, кидаю её в мусорный бак. Хватаюсь за ручку двери и резко распахиваю её, шагая в кабинет психолога. К Славе, чёрт возьми.

К моей жене. Бывшей. Бывшей жене.

Первая причина, по которой я бросил всё в Москве и приехал сюда. Всё в том городе напоминало о ней. Офис компании. Мой кабинет, где мы не раз предпринимали попытку зачать ребёнка. Улицы города, по которым мы гуляли вечерами.

Я продал все тачки лишь потому, что там всё пропиталось духами Славы.

Решил окончательно перерубить все связи с ней. Лишь бы не видеть, ничего о ней не слышать.

Тяжело отпускать человека. Особенно того, кто буквально воскресил тебя из мёртвых. Жизнь без неё была дерьмом. А она её украсила. Ненадолго. Пока этот брак не стал якорем на наших шеях, что тащил нас обоих на дно.

Слышал, что она уехала. Но не знал куда. Оказалось, сюда. Вот и разбежались, чёрт возьми!

Люда меня подставила. Записала нас на приём к бывшей.

До сих пор поверить не могу.

Только подхожу к кабинету, как дверь открывается, и я вновь вижу Славку. Выводит Даню из кабинета, вручая ему несколько конфет.

— Я буду ждать тебя в следующий раз, — ласково ему улыбается. Внутри всё вспыхивает. От злости, раздражения, что я вновь вижу её. Счастливую. Красивую. Ласковую к другим, а не ко мне.

Но последнее — лишь моё решение. Сам этого всего лишился. Сам всё просрал.

— Можешь пока сходить в туалет, вымыть ручки, а то ты испачкался. Иди во-о-он туда. Я пока поговорю с твоим папой.

Даня, кивнув, убегает, мельком глянув на меня.

«Папой».

Да, мне практически удалось стать ему отцом.

Остаёмся со Славой наедине. Впервые нервничаю, как школьник. Не знаю, что спросить. В первую очередь о Дане? Или что она здесь делает?

Пожарская спасает меня. Начинает первая, скрестив руки на груди и смотря мне через плечо. Даже не на меня.

— Правильно было бы отказать тебе и твоему сыну в лечении.

Да, учитывая, что она может предвзято отнестись к нему.

Но Люда много трещала насчёт психолога, к которому записала Даню. Что хоть она и молодая, но вылечила немало

детей. Верещала, как фанатка.

— Но я возьмусь за него.

Живот скручивает от удовольствия и облегчения.

Я всегда восхищался этой женщиной. Несмотря на неприязнь, она продолжает оставаться профессионалом и не поддается чувствам.

Но по-прежнему игнорирует меня, будто смотря Данае вслед. Но уверен, его там уже нет.

— У меня уже было два подобных случая, и есть выработанный план работы. Помимо моего вмешательства, нужна также помощь со стороны родителей.

Говорит со мной так, будто это не мы почти два года пробыли в браке и знаем друг о друге то, чего не знают остальные.

А ведь если вспомнить... Она всегда мечтала углубиться в детскую психологию. Но каждый раз, когда брала книжку в руки, не могла настроиться. Я знал, почему.

И рад, что у неё вышло сломать собственные барьеры.

— Сколько нужно сеансов?

— Всё индивидуально. Думаю, разберемся за несколько месяцев. Я не смогу излечить его травму полностью, лишь облегчить и заставить его заговорить. Двух сеансов в неделю будет достаточно. Лучше записаться сразу, у меня плотный график.

Слышал, что к ней не пробиться. Навороченный специалист.

Гордость бы взяла. Если бы она была моей. Но нет.

— Понял, — наклоняю голову набок. И изучаю, как бывшая жена потирает виски. Всё ещё мучает мигрень? Неважно. Надо взять и уйти. Но вместо это вылетает вопрос: — Что ты здесь делаешь?

Не уверен, что она ответит. Но мне интересно. Я не следил за ней эти годы. Зачем? Я ненормальный, но не до такой степени, чтобы каждый день проверять, как живёт моя бывшая.

— Почему я в Питере, а не в Москве? — уточняет она.

— Да.

На секунду она задумывается. Густые аккуратные брови сходятся в переносице.

— Хотела реализоваться без брата. И могла сделать это только в другом городе. Собственно, это и вышло. А ты?

Наконец устремляет свои каре-зелёные глаза на меня. Пять лет прошло, а они всё такие же. Как и она. Ведьма, не иначе, раз под свои тридцать похожа на двадцатилетнюю девчонку без единой морщины. Она и раньше казалась взрослой, с умным и пронзительным взглядом.

Такая точно никогда не будет одна.

Невольно обращаю внимание на её руку. Хотел сделать это ещё в кабинете — ответно, когда она смотрела на мою ладонь. Заметил её взгляд на своём безымянном пальце. Нет, я не женат. И не собирался этого делать. Одного брака мне хватило.

А Слава? Никого не нашла? Кольца есть, но безымянный

без него. Или один мудака разбил её сердце, и она закрылась от остальных мужчин?

Скорее всего. Разошлись мы хреново. Но сделал я это для её же блага. Лучше ненавидеть меня, чем страдать и вспоминать.

Ненависть сильнее. Всегда.

Только сейчас я не вижу в её лице и намёка на это чувство. Простила?

— Переехал из-за Данила, — озвучиваю вторую причину, почему выбрал именно этот город.

— Понятно, — всё, что слышу от неё. — Давно?

— Сразу же после развода, — вспоминаю то время. Хреновое время. — А у тебя что нового? — искренне интересуюсь и так же сильно желаю услышать.

Она неожиданно улыбается, и тон её голоса смягчается.

— Ты уже вернулся? Как быстро, — обращается не ко мне. В поле зрения появляется малой. И Пожарская наклоняется, протягивая кулачок, который Даня ей отбивает. Так вот кому она это говорила. — Молодец.

Этот жест. Он... мой. Это моя глупая привычка, которую Слава перехватила от меня. И теперь активно ей пользуется?

Невольно улыбаюсь. Годы идут, а ты так же впитываешь в себя всё, как губка.

Тут же даю себе мысленную оплеуху. Хватит думать о ней, как о бывшей жене. Сейчас она врач. Просто психолог, что решит проблемы ребёнка.

— Пошли, — беру Даню за ладонь. — Мама ждёт.

Он кивает и без препирательств идёт за мной, один раз обернувшись. Сильнее тяну его в регистратуру. Записываемся на следующие сеансы.

В машине едем в тишине. Крепко сжимаю руль, чувствуя себя паршиво от этой встречи. Дискомфорт грёбанный.

— Я закурю? — спрашиваю у Данила и мельком поглядываю на него, отвлекаясь от дороги. Отрицательно качает головой. А что я ожидал? Он против этого. А мне сигареты жизненно необходимы. Дрянь редкостная, но мне помогает очистить мозги.

— Ладно, — недовольно морщусь и слежу за дорогой. За-молкаю, но что-то меня пробивает на разговоры. — Тебе понравился доктор?

В перерывах бросаю на малого взгляды.

На этот вопрос кивает. Конечно же, как она может не понравиться? Я в одно время тоже влип в это болото под названием «любовь».

Даже не думал, что найду «своё» так быстро, вернувшись с того света. Согласился сходить к мозгоправу, лишь бы все отстали. Да и девчонка в первые минуты вызвала мой скептицизм. И желание. И интерес. Всё вызывала. И засела в башке.

Думал, пройдёт, как свалю из того кабинета. А нет.

Сначала влюбился в её внешность. В искреннее желание помочь мне. А с каждым свиданием, ни на одном из которых я ни на что не рассчитывал, узнавал её больше. И от этого

влюблялся только сильнее. Но уже не во внешнюю красоту, а во внутреннюю. Ту самую, из-за которой, не раздумывая, сделал ей предложение.

Не рассчитывал услышать «да». Но даже тогда она меня удивила.

Не иначе как судьба. Думал тогда. А сейчас... А сейчас у нас разные пути.

— Хочешь поехать к ней ещё раз?

Ответь «нет». И в следующий раз я выберу другой центр. Так будет правильнее и проще.

Опять согласие. Да чёрт.

Полчаса по пробкам, и мы останавливаемся у частного дома. Даня выбегает из машины, спешит в дом, сжимая в руках коробку конфет, которую мы купили по пути.

Направляюсь следом за ним. В доме царит запах домашней еды, чистота и уют. Только хочу позвать Людмилу, как она сама выбегает из комнаты, вытирая ладони полотенцем. В забавном фартуке и с «гулькой» на голове.

— Ну, как там? — спрашивает с придыханием, не отрывая от меня взгляда. — Съездили? Что сказали?

— Дань, — бросаю взгляд на светловолосую макушку. Хватит с него и сегодняшнего сеанса. Мне пришлось при нём напоминать причину его молчания. — Иди переоденься.

Он быстро всё понимает и несётся в свою комнату. Коротко рассказываю Люде о том, что было. Она смахивает слёзы полотенцем и в конце выдыхает.

— Какая радость!

И тут же бросается ко мне, обнимая и утыкаясь щекой в мою рубашку.

— Он заговорит, Демьян, он заговорит...

Приобнимаю её за плечи, опускаю ладонь на макушку и улыбаюсь.

— Ага.

А в голове образ Славки. Как мы так же однажды стояли на улице, и она обнимала меня, зарываясь холодным носом в мой торс. А я грел её и старался не переходить границы.

И почему я вспомнил об этом? Из-за встречи с ней?

Люда отрывается от меня, опять вытирает щёки от слёз.

— Я обед приготовила. Или ты опять на встречу спешишь?

— На работу надо, — поглядываю на часы. — А, и да.

Поднимаю взгляд на женщину. Последнее время в её глазах было только отчаяние, но сейчас в них мелькает надежда.

— В следующий раз в центр поедешь ты. Я не смогу.

Будь Данькиным доктором не моя бывшая жена, я бы возил его на каждый сеанс. Но не в этот раз. Я выбросил себя из жизни Пожарской, как и её из своей. Не будем ворошить прошлое и ностальгировать.

— Да, хорошо, — соглашается со мной.

Для "новеньких", герои эти уже появились в других моих книгах.
Слава из "Звёздочка миллиардера. Это

моя дочь!" <https://litnet.com/shrt/n9qt>
 – Отдай ребёнка. По-хорошему.
 Пламенный и надменный взгляд заставляет прижать плачущего мышонка к себе.
 – Она вас боится! – восклицаю, не зная, что делать. – Вы только что незаконно проникли в мою квартиру. Угрожали мне! А теперь хотите забрать мою дочь?
 – Мою, – чеканит.
 – Вы что-то путаете, – пытаюсь сказать с нажимом, но голос всё равно дрожит. – Я – её мама.
 – По документам. Я же её биологический отец.
 – Вы отвратительный отец, раз ваш ребёнок оказался в доме малютки! – выплёвываю с пренебрежением.
 Вижу, как его задевает эта фраза. Но мне плевать. Она – моя жизнь, ради которой сверну горы.
 – И для меня вы сейчас лишь богач, который решил, что может делать всё, что угодно. Но это не так! Она – моя дочь! И я вам её не отдам!

 Я пишу детские сказки, а он – владелец издательства, в котором работаю. Мы невзлюбили друг друга с первой же встречи. А потом он врывается в мою жизнь и приказывает отдать ему мою малышку. Его дочь...

 И Демьян из "Двойняшки от бывшего мужа. Я требую развод!" <https://litnet.com/shrt/n9rt>

– Меня маленькие дети дома ждут, – произношу, вспоминая своих куколок. Боюсь говорить о них. Особенно ему, бывшему мужу.
 Но разве это сейчас важно?.. Когда он игнорирует меня, а мы взмываем в воздух на самолёте, оставляя в городе моих двойняшек.
 – Умнее ничего не при-

думала?
 – Я не лгу!
 – Если это так, пусть за нами присмотрит твой парень, – кидает с ледяными нотками.
 Мужчина вынуждает меня сказать то, чего не хотела бы делать никогда в жизни. Он изменил мне, предав нас троих.
 – Север... – выдыхаю. И слёзы срываются с уголков глаз, стекая по щекам, когда говорю ему всю правду: – Это твои дети.

Остальные книги по скидкам смотрите у меня в профиле:
<https://litnet.com/shrt/n9Vt>

Глава 10

— Дай информацию по последнему пациенту, — прошу Настю на стойке регистрации.

— А... — непонимающе издаёт, косясь на экран монитора. — В системе же...

— У меня компьютер не включается, — машу ладонью, поторапливая её. Поэтому изначально я не знала, кто придёт ко мне. В основном сейчас всё хранится в базе данных на компьютере, поэтому без него как без рук. Но он умер, когда я пыталась его включить.

— Скажи Андрею, пожалуйста, пусть мастера вызовет, — прошу её, забирая распечатанные документы. Прохожусь взглядом по листам.

И что пытаюсь найти? Фамилия и отчество мальчика никак не связаны с Демьяном. Но я понимаю почему — он не в браке, поэтому фамилии разные. А отчество... Они встретились-то спустя три года. Людмила, мама Данила, могла дать ему любое при рождении, что логично.

Я даже не знаю историю их знакомства. Может, они переспали раз и разбежались? И как-то встретились спустя время?

«И зачем мне это? — спрашиваю себя, выдохнув. И тут же отвечаю: — Для работы».

Мне просто нужно знать его имя и фамилию. Вписать данные. Правда, займусь этим в понедельник, а сейчас возвращаю распечатку обратно Насте.

Собираюсь вернуться в кабинет, как слышу радостный вопль:

— Ма-а-ам, — подбегает ко мне косолапый медвежонок, врезаясь в мои ноги. Следом за ним летит второй молчаливый медвежонок с чупа-чупсом во рту. Специальный, без сахара, выдаваемый за хорошую работу. — Мы скусяи.

— Скучали? — присаживаюсь, игнорируя всех людей вокруг. Обнимаю Костика и подросевшего Сашу. Целую каждого в щёчку.

— Дя.

— Я тоже, — расплываюсь в улыбке. Хотя мы виделись час назад. Быстро же пролетело время. — Домой поедем?

— Дя! — восклицает один. Второй удовлетворённо кивает, целуя меня в скулу. А с утра ведь недотрогами были! Зато теперь словно расцвели.

— Тогда бежим быстрее одеваться! — подскакиваю с места и тороплю их. Помогаю мальчикам одеться, а затем скачем вприпрыжку к машине. Рассадив всех по местам, выдвигаюсь домой. По пути звоню Марине, зову её в гости.

Хочется рассказать ей, что сегодня произошло. Немного выговориться.

Не каждый день встречаешь бывшего мужа на пороге своего центра...

Что я чувствую? Растерянность.

Знаю, что надо было отказать в лечении, но всё равно взялась за него. Личное не должно мешать в помощи ребёнку. И неважно, чей он.

Ещё несколько лет назад поставила перед собой задачу не цепляться за Демьяна. Отпустить его. Зачем? У него остыли чувства. Всё. Мы теперь просто знакомые. И он — отец моего пациента.

Всё!

Не имеет значения, что у нас тоже есть дети. И о них ему не расскажу. Я уже предприняла одну попытку, понадеявшись на судьбу. И она решила, что знать Демьяну об этом необязательно. Скорее всего, он не видел письма из-за своего переезда.

Значит, так было нужно.

Мотнув головой, прогоняю Ярцева из головы. Нельзя столько думать о постороннем человеке.

Доехав до дома, первым делом готовлю ужин. Малышня копошится в своей комнате, собирая недавно купленный им конструктор, пока я порхаю на кухне и постоянно кошусь на телефон в ожидании подруги.

Наконец она приезжает, залетая в квартиру.

— Где два топтуна?! — восклицает она на пороге. И два медвежонка — в прямом смысле этого слова: мальчики в коричневых мягких костюмах с ушками — выбегают в коридор, радуясь её приезду. Лезут обниматься, ластятся и де-

монстрируют свои костюмчики, которые она же им и подарила. — Красота какая!

— Да, им очень идёт, — соглашаюсь, умиляясь детям. Марина занимается детской одеждой, поэтому частенько представляет нам новинки.

— А я кое-что новое привезла! — и достаёт из пакета две одинаковые пижамы в тигриной расцветке. Саша восторженно открывает ротик, а Костя визжит, вытягивая свои ручки. Марина вручает им наряды, и те бегут переодеваться в свою комнату. И следом внимание подруги падает на меня. — Мне твой голос не понравился. Что случилось?

Тут же становится серьёзной.

— Всё нормально! — машу руками, успокаивая её. И правда ведь ничего не случилось! Всего лишь человек из прошлого вернулся. — Просто решила сообщить новость. Демьян здесь.

Последние слова говорю с осторожностью.

— Да ладно? — её глаза становятся по пять копеек. — А ты откуда знаешь?

— Мы виделись, — отвечаю и тут же получаю по голове.

— Зачем?!

— Да это случайно вышло! — возмущаюсь в ответ, потирая ушибленный затылок.

— А, случайно? — неловко прижимает к себе руку, которой только что отвесила подзатыльник. — Так, ладно. Держи, я пока разденусь.

Вручив мне бутылку вина, которую я явно не ожидала увидеть, подруга снимает с себя шубу. А я спешу на кухню, накрываю на стол. Тигрята прибегают уже в своих новых нарядах.

— Зря, конечно, ты им отдала их. Испачкают же сейчас.

— Постираешь, — хмыкает подруга и мастерски справляется с пробкой от бутылки. Разливает вино по бокалам. — Я готова, слушаю.

За ужином всё рассказываю. И вновь получаю подзатыльник.

— Зачем ты согласилась?!

— Не знаю, — выдыхаю, отправив кусочек мяса в рот. — Мне хочется помочь ребёнку. И он не виноват, что его отец — редкостный говнюк.

— Тебе интересна жизнь Дьмьяна, — вдруг утвердительно говорит Марина.

— Это вполне естественное любопытство, — не отрицаю подобное. Закусываю губу и подпираю голову рукой. — Было так неожиданно увидеть спустя столько лет.

— Ты всё ещё любишь его? — звучат её слова как гром среди ясного неба.

И это, мать его, самый тяжёлый вопрос за всю мою жизнь.

— Не знаю, — признаюсь честно, прикрыв глаза. — Смешанные чувства. Но тяжело ничего не чувствовать к человеку, которого любил всей душой. И от которого у меня двое детей. И который бросил меня, да, уйдя к другой.

Поглядываю на своих тигрят, облизывающих тарелки. Веду ладонью по макушке Кости, которого назвала в честь отца Демьяна.

И улыбаюсь.

Зачем мне нужен Ярцев, когда у меня две его маленькие копии?

— Вкусно?

— Дя! Мама всея кусно отовит, — и поворачивается к своему брату, вытягивая из него ответ: — Да?

И Саша кивает, уплетая пюре за обе щеки. Его я назвала в честь своего папы.

Хотелось, чтобы у близнецов что-то было от меня и от Демьяна. Хоть он и никак не связан с ними сейчас, но... нельзя отрицать, что он их отец.

Они оба — мои. Несмотря ни на что.

Когда я узнала о беременности, моя душа словно разделилась надвое. И та половинка от меня поделилась ещё раз напополам, вселяясь в этих двоих.

Смотрю на них — и не жалею ни об одном своём решении.

— Так, — грозно бьёт по столу Маринка. — Тебе нужен мужик.

— Что? — отвлекаюсь от малышни. Мне послышалось?

— Что-что, — повторяет за мной, пригубив вина. — Пора, мать. Тебе нужен мужчина. Сколько можно ходить одной? Женского счастья нельзя себя лишать! Особенно когда бывший муж появился на горизонте. А если ты опять насту-

пишь на те же грабли?

— Не наступлю.

— С чего такая уверенность?

— Я рационально взвешиваю свои решения.

— Ага, настолько, что теперь лечишь его ребёнка, из-за которого он тебя кинул.

Больно. Совсем немного.

Любой бы сказал, что я дура. Может быть. Но если я могу отделить личное от работы, почему бы и нет?

— Это мой долг, как доктора, — задираю подбородок.

— А ещё ты — девушка. Об этом нельзя забывать. Я рада, что ты посвятила себя работе, но твоим сыновьям нужен отец. Мужской авторитет рядом. А то вырастут маменькиными сынками.

В последнем я с ней согласна. Я вполне уверена в своих силах, что воспитаю их порядочными и справедливыми парнями, но... Я не смогу им дать того, что должен дать именно отец.

Но это же не повод бежать и искать себе мужа!

— Плюс он отвлечёт тебя от Демьяна. Поэтому я настаиваю. Сходишь на свидание. Понравится — окей, не понравится — пойдёт лесом.

Закатываю глаза.

— Завтра не могу. Единственный выходной, хочу провести его с мальчишками, — надеюсь на отмазку. — А в остальные дни у меня работа.

— Проведёшь! Как раз стоняем тебе в магазин за платьем. А то у тебя не гардероб, а унылая офисная безнадёга, — кривится.

— Да отвали ты уже от моего гардероба, — закатываю глаза.

— Ничего не знаю! Решено! Завтра едем покупать тебе платье, а потом ты идёшь на свидание. И попробуй только отмазаться работой! Днём с мальчишками, а вечером с мальчишкой! Я устрою тебе свидание. Есть у меня один на примете...

— Ты с ума сошла? — начинаю паниковать.

Да я на свиданиях тысячу лет не была!

— Мне с кем детей оставлять? — продолжаю засыпать вопросами. — Ладно днём — они могут побыть в центре. Там нянек у них столько, что скучно не будет. Но воскресенье, вечер...

— А я тебе на что?

Кажется, она вообще не слушает меня и не воспринимает слово «нет». И кому-то, точнее, мне, придётся завтра идти на свидание...

Глава 11

Марина, я убью тебя!

Как я вообще подписалась на то, что сейчас захожу в ресторан и направляюсь к нужному столику, где меня уже ожидает незнакомый мужчина?

Подруга быстро подсуетилась. Только вчера предложила эту затею, а уже с утра болтала о партнёре своего мужа. Расхваливала его со всех сторон, а я слушала вполуха и отрывала близнецов от витрин с игрушками, которых дома у них и так бесчисленное количество.

А теперь, проехав два района, сажусь за столик. Здоровуюсь и пытаюсь вести себя непринуждённо. А не так, будто пришла на эту встречу поесть, поговорить не о работе и уехать.

Собственно, это я и собираюсь сделать — без каких-либо планов на жизнь. Мне не нужен «заменитель» Демьяна. А искать отца малышам целенаправленно не вижу смысла. Мне нужен тот, кто полюбит их как родных, а не только меня. Навязывать их никому не хочу.

Поэтому, Марина, прости, твой план заведомо провален.

А я пляшу под твою дудку, отдыхаю от головной боли в виде работы и просто пытаюсь быть обычной девушкой на свидании.

— А вы как относитесь к детям? — спрашивает у меня Пётр.

Пора уже собираться домой? Это он и сделает, как только я отвечу.

А я ведь только заказала ризотто... Ну и пусть топает, если ответ ему не понравится, а я доем свой рис. Своих детей скрывать я не собираюсь.

— Положительно, — улыбаюсь, отпив кислящего белого вина. Всё же красное в компании подруги намного лучше. — У меня своих двое.

— Ого, — не скрывает он удивления. — Извините за бестактный вопрос, а где... их отец?

— Он...

Поднимаю взгляд от бокала и смотрю вперёд. Краем глаза замечаю людей за его спиной. И зашедший вторым привлекает внимание сильнее, когда силуэт кажется знакомым.

Мой муж и отец детей... здесь.

Заходит в этот самый зал со своим знакомым и направляется в нашу сторону. Демьян одет в рубашку, брюки, не как в прошлые наши встречи. С работы?

Да плевать!

Отвожу взгляд в сторону, но уже слишком поздно. Он прищуривается, глядя на меня.

Зрение ухудшилось? Постарел за пять лет?

— Я не хотела бы об этом говорить, — отвечаю резко и тихо. — Кто же говорит на первом свидании о бывших?

— Ты права. Извини за бестактность.

Да плевать, я уже готова подпрыгнуть с места и отправиться домой. Но я до сих пор чувствую на себе взгляд Ярцева, разместившегося с другом неподалёку. Если вслушаться — даже услышу, о чём они говорят.

И почему мы встретились здесь?

До этого жили четыре года в одном городе, и намёка на встречу не было! А тут... После центра я вижу его второй раз. В чужом для меня районе... Может, поэтому? Он может ходить сюда каждый день, а я могла и не знать.

Плевать! Пусть делает что хочет, а у меня свидание, с которого я мечтаю сбежать.

— Ты разозлилась, — с сожалением шепчет Пётр. — Я не хотел вызвать негативные эмоции своим вопросом.

Вот именно, что я не растеряна, а зла.

Потому что Демьян портит все планы. Я хотела расслабиться один вечер, а теперь напрягаюсь и натягиваюсь, как тетива.

Главное, не смотреть на него!

Говорю себе это — и делаю всё наоборот. Поглядываю на него, делаю вид, что ищу официанта. Замечаю его. Как кидает на меня взгляды, отвлекаясь от меню.

Что, не ожидал, что я могу быть с другим мужчиной?

Представь себе!

— Всё нормально, — говорю мягко. Петр и правда не виноват. — Это вполне обычный вопрос. Просто не хочу на

него отвечать. Мужа у меня нет. Он умер.

Я серьёзно сказала последние слова, зная, что он услышит. Сидит достаточно близко. И Демьян не скрывает свои эмоции, нахмурившись.

— Тогда точно закроем тему, — говорит Пётр. — И поговорим о твоих де...

— А как ты смотришь на то, чтобы сходить в кино? — перебиваю щепетильную тему. Ярцев может узнать о близнецах. Не хочу. Он счастлив со своим ребёнком. А я со своими.

Познакомлю их раз, и всё — потом объясняй своим детям, куда папа пропадает каждый день и почему Новый год он празднует с другими, а не с нами.

— На выходных?

— Можно и сейчас, — желаю быстрее убраться отсюда.

— Только если на последние ряды, — усмехается, явно довольный развитием нашего свидания.

— Без поцелуев, — говорю тихо.

— Только с поцелуями, — берёт меня за ладонь, настаивая.

Мурашки проходят по телу от неприятных ощущений. Не успеваю отдёргнуть ладонь, как вздрагиваю, услышав звон стекла.

Мы одновременно, как и все присутствующие в зале, поворачиваемся в сторону звука.

И судя по разбитому графину с водой у столика Ярцева... эта гора мышц снова не рассчитала длину своих рук и задела

посуду. У нас такое уже бывало, особенно в тесных местах.

И отчего-то злится, прожигая своего друга взглядом. Зубы крепко стиснуты, на скулах играют желваки. Не в духе. Не понравилось, что ему что-то сказали? Он делал это и в браке. Никогда не стеснялся в эмоциях, был взрывной машиной. Хотя по последним встречам и не скажешь... Особенно в дни развода.

— Дем, ты чё? — спрашивает у него друг.

— Я сейчас всё уберу! — восклицает официантка, суеющая рядом с их столиком.

— Вот же, — цокает Пётр, — раздолбай. Подкинул работу бедному персоналу.

И отвернувшись, продолжает высказывать своё мнение:

— А ведь такие прекрасные девушки могут поранить свои очаровательные ножи...

Он поднимает наши ладони, и я понимаю, что он хочет сделать. Поцеловать. Тут же отдёргиваю руку и опять улыбаюсь, пытаюсь смягчить ситуацию.

— Кино, — выпаливаю резко, проигнорировав его подкат. Сейчас холодно, я в закрытых сапогах, поэтому вряд ли что себе пораню. — Нужно успеть, вдруг сеансы скоро кончатся?

— Точно, — быстро встаёт, оглядываясь по сторонам в поисках официанта. — Сейчас заплачу, и пойдём. Ты пока иди одевайся.

Киваю, приходится ещё раз глянуть в сторону Ярцева. Как

назло, мне надо пройти мимо. Будет странно, если я обойду его стороной, сделав крюк?

Да всё равно!

Поправив сумочку, встаю из-за стола, демонстрируя платье, которое надела на свидание. И тут же хочется провалиться сквозь землю.

Чем я занимаюсь?..

Лучше бы лежала дома со своими пупсиками в растянутой майке и спальных шортах, чем сейчас шагала по залу мимо своего мужа в облегающем роскошном платье и на каблуках.

Ощущаю прожигающий взгляд на своей спине, ягодицах. Мурашки пробегают по всему телу от осознания, что меня словно провожают своим вниманием.

В конце зала оборачиваюсь проверить, где Пётр. Идёт следом за мной, засовывая карточку в портмоне.

Невольно поглядываю на тот самый злополучный столик.

Демьян сидит ко мне спиной, так и не обернувшись. А вот его друг что-то говорит, смотря на меня. Ярцев сказал ему, что я его бывшая жена, и они теперь это обсуждают?

— Пошли? — перебивает мои мысли Петр, взяв под руку.

Киваю, и мы вместе направляемся в гардероб. Одевшись, выходим на улицу, но я не сажусь в машину нового знакомого, несмотря на то что он настойчиво держит для меня открытую дверь.

— Прости, — выпаливаю, выдыхая пар изо рта. — Но я не могу с тобой поехать.

— Почему? — удивляется он. — Я тебе не понравился?

— Не хочу врать, но пока я не ищу серьёзных отношений,

— закутываюсь в зимнее пальто. — И не хотелось бы и дальше обнадёживать тебя и мучить только потому, что я пока не готова.

А когда буду? Не знаю. Но продолжать этот вечер нет никакого настроения. Ярцев своим появлением его испортил.

— Я понял, — как-то недовольно и в то же время расстроенно говорит Пётр. Подбрасывает ключи от машины в воздух, ловит и хлопает дверью, обходя свой автомобиль. — Спасибо, что сказала сразу.

Слабо улыбаюсь.

Знала, что это плохая затея, но всё равно пошла.

Мне нравится моя размеренная жизнь. Работа, дети, выходные с ними. И перемены мне ни к чему. Как и новый человек в жизни. Поэтому лучше сразу обозначить границы, чем потом отказывать человеку, когда он привяжется ко мне.

И сейчас, съёжившись от холода, направляюсь к своей машине. Завожу мотор. И ставлю себе в голове галочку, что в этот ресторан я больше не приеду.

Глава 12

Демьян

— Дем, ты чего?

— Рука дрогнула, — отрезаю, рефлекторно потянувшись к пачке сигарет. А фиг там — не пойду курить.

— Я сейчас всё уберу! — суется рядом девушка-официантка.

— Запиши в счёт, — выскакивает на автомате. Я здесь каждый день, почти как дома.

— Думаю, мы сможем с этим разобраться, и ничего платить не придётся. Всё же вы наш постоянный кли...

Дальше ничего не слышу. Крепко сцепив зубы, сжимаю стакан с водой пальцами. Краем глаза замечаю, как Слава встаёт из-за стола. Раньше я лицезрел только вырез её платья, а теперь всю её.

Проклятье.

Она красивая. Всегда такой была. Ела и не толстела. От природы сногшибательное тело, от которого текли слюни у любого мужика с функционирующей дубинкой.

Привычной походкой, на высоком каблуке, проходит мимо меня.

В кино собралась. С ним.

Кто это? Её мужик? Насколько у них всё серьёзно?

Хах, судя по кино — не очень. Они что, в детском саду?

Плевать. Меня не должно ни на секунду это беспокоить. Ни то, как она выглядит, и ни то, что они сейчас собираются делать. И моя бывшая жена может спать с кем хочет и когда хочет.

Думаю об этом — и в ярость прихожу.

Давно такого не чувствовал. Казалось бы, чувства сдохли. Любые. А нет.

Емеля смотрит вслед Славе и чуть не присвистывает:

— Ты, случаем, не баба под прикрытием? — всё продолжает смотреть сквозь меня.

— В плане?

— Мимо тебя такая девочка прошла, а ты даже бровью не повёл. Хоть бы вслед ей глянул.

Девочка.

Хочется усмехнуться. Слава давно не девочка. По крайней мере перестала ею быть со мной.

— А, у тебя же Мила, — отмахивается, расплываясь в улыбке.

— Заткнись, а? — кривлюсь. И тут же пытаюсь сдержать бешенство. Емеля раздражает своим интересом и что сейчас нагло облизывает Пожарскую взглядом.

— И чем он её зацепил? — продолжает рассуждать вслух. — Может, пойти попытать удачу? Я бы с такой не против...

— Хорош, — обрубая и дёргаю плечом. Еле держу руку, чтобы не врезать ему. — Не видишь? Занята. Губу закатай.

— Ладно, — вздохнув, он уже переключается на офици-

антку, которая убрала все осколки. — Она всё равно уже ушла. Пялиться не на кого. Лапуль, когда заказик будет?

Кобелина. Хотя я раньше таким же был. До знакомства со Славкой.

И что теперь? Они в кино поехали? На заднем ряду целоваться будут?

Как представляю, что этот хмырь её лапает — закипаю.

Отвратительный у тебя вкус, Пожарская. Выбирать так и не научилась.

— Так о чём поговорить хотел? — спрашивает Емельян. А у меня всё уже из головы пропало. Чёрт знает. Еле вспомню.

— Психолог детский нужен.

— Разве Мила не нашла?

— Нашла. Не подошёл.

— Плохой?

Язык не поворачивается его таким назвать. Просто не вижу смысла. Сам ездить в детский центр я не могу. Видеть пару раз в неделю свою бывшую — то же самое, что делать себе операцию без наркоза. Быть идиотом.

И демонстрировать ей Даню и Людмилу, которые для Славки наверняка как бельмо на глазу — ещё больший провал.

— Неважно. На примете есть кто?

— Детского — точно нет. У меня из детского только молочко, и то, потому что кожа от него реально классная.

Закатываю глаза.

— Ясно, — терплю поражение. И отвлекаюсь на вибрирующий телефон. Мельком замечаю, как к нам подходит официантка с первыми тарелками, и отвечаю на звонок.

— Демьян, привет, — раздаётся женский виноватый голос. — Это Люда.

— Я понял, — усмехаюсь. Судя по тону, опять что-то натворила... И как у неё это выходит?

— Тут такое дело... Я не смогу завтра с Даней к врачу поехать, завал на работе. Можно тебя попросить?

Прикрываю глаза и потираю переносицу.

Не хочу.

Не хочу опять ехать туда и видеть свою бывшую жену. Первый раз я отпустил её легко. Сам не понимаю как. Будто вырубил чувства. А сейчас, имея все шансы привязаться снова, не уверен, что смогу пропасть из её жизни.

Одна мысль, что мы живём в одном городе, уже заставляет жить как на раскалённом металле.

Захочется знать, как она здесь, с кем.

Но с другой стороны — я лучше, чем Люда с Даней, которых Слава видела на фотографии. Мало ли что Людмила ей скажет?

Чёрт, придётся.

— Ладно, — нехотя соглашаюсь. — Съезжу с ним.

— Спасибо огромное! Я, кстати, пирог сделала. Абрикосовый.

— Я уже в ресторане поел.

Как раз перед моим носом ставят пасту.

— А, хорошо. Всё равно ждём.

Отключаюсь, откладывая телефон.

Кажется, я начинаю уставать от этого.

— И чего ты на ней жениться не хочешь? — выгибает бровь Емеля, засовывая вилку в рот. — Хорошая же. Хозяйственная, добрая, сына любит.

— Херни не неси, — обрубая. У нас не такие отношения, какими видит их друг. И как представляю нас как мужа и жену — аж челюсти сводит. — И рот заткни. А лучше с мылом вымой.

— Грубиян, — хмыкает, но затыкается. А я мысленно ощущаю скованность от завтрашнего дня. И злость. От того, что увижу Славу, которая провела ночь с мужиком.

Меня не должно это трогать. Но оно начало. И это охренеть как плохо...

Глава 13

— Станислава Александровна, у вас всё в порядке?

Дурдом. Я настолько плохо выгляжу после бессонной ночи, что это замечают коллеги?

Вчерашнее свидание оставило после себя осадок. То ли из-за того, что план Марины не сработал, и я обидела человека, то ли от появления Ярцева.

И самое отвратительное — сегодня у нас с ним сеанс. Довольно тяжёлый, учитывая, что мне надо будет поговорить с Демьяном наедине. Ради ребёнка, конечно.

И он как раз у меня через полчаса...

А пока, как призрак, не выспавшись, плетусь по коридорам, вяло отвечая на приветствия.

Малышня вместо садика, в котором сейчас вспышка гриппа, уже у логопеда. Минус одна боль и переживание, как там мои пупсы. Они рядышком, могу их увидеть в любой момент.

На планёрке быстро раскидываюсь с делами. И уже сижу в своём кабинете, забивая данные о Даниле в базу данных.

Нервно постукиваю по столу пальцами, не зная, послать его на физическое обследование или же обойдёмся без него. Причина молчания и так понятна, да и отклонений у него не видно. Но, может, перестраховаться?

Вздыхнув, встаю из-за стола и направляюсь на выход, проверяя, пришли ли Ярцевы. Точнее, Ярцев и его сын.

Только открыв двери, вижу молчаливую картину — Данил залипает в телефоне, как и его отец. Оба поднимают на меня головы при звуке открываемой двери.

— Проходите.

Включаю режим сухаря. Чувства на замок, голова в работу.

Первые двадцать минут сеанса обычные — вновь проходим психологические тесты, перебрасываемся с Ярцевым информацией. Дальше — диалог с мальчиком наедине. Недолгий, для того, чтобы наладить контакт, и он мог мне довериться.

— Ты любишь играть? — с улыбкой спрашиваю у него.

Он кивает, показав телефон. Тычет на него пальчиком. А затем включает детскую игру — какие-то гонки. И передаёт аппарат мне.

— Хочешь, чтобы я попробовала? — растерянно спрашиваю.

Опять кивок, и я слушаюсь его, водя пальцами по экрану. Невдумчиво играю, лишь бы угодить мальчику.

— Игры ты любишь, я поняла, — мягко продолжаю. Демьян IT-шник, я не удивлена. В телефонах и компьютерах знает столько, что эта любовь явно передалась от него к сыну. Гены, мать его. — А с другими детьми? Нравится играть? Хочешь?

Забиваю на игру, смотрю только на Даню. Он нерешительно мнётся, а затем всё же неуверенно соглашается, пока моя машинка в игре врезается в столб.

— Отлично, — проигрываю в гонки и отдаю девайс обратно ему. — Я плохо в них играю. Научишь меня как-нибудь?

На грустном лице тут же появляется улыбка. Встав, я протягиваю ему ладонь, за которую он хватается. И мы оба выходим из кабинета к его отцу. Судя по виду и слегка покрасневшим щекам, он был на улице. Курил?

В соседнем кабинете ловлю Настю, администратора, которая как раз проходит мимо.

— Дань, пойдёшь пока поиграешь с другими мальчиками? Мне нужно поговорить с твоим папой.

Он вскидывает на меня нерешительный и в то же время удивлённый взгляд. Едва заметно приоткрывает губы. Впервые за эти два сеанса пытается что-то сказать?

Бойтся идти?

На его макушку падает большая ладонь Демьяна.

— Иди, поиграй, — мягко отзывается мужчина.

Болит ли сердце? Ужасно. Но за моих мальчиков. Которые никогда и не узнают ласки от родного отца.

Даня, на удивление, слушает его беспрекословно. И взяв разговорчивую Настю за руку, под её рассказы идёт вместе с ней в игровую. Оставляет нас наедине с Демьяном.

— Зайдём в кабинет, — прошу его. И, скрестив руки на груди в защите, вхожу в кабинет. За стол не сажусь — только

подхожу к нему, упираясь в него ягодицами. Разговор будет короткий.

Ярцев послушно закрывает дверь, следует за мной. Садится в кресло, отчего я смотрю на него сверху вниз. Непривычно...

— Мне нужно кое-что знать, — не тяну резину. — Это необходимо, чтобы продолжить заниматься с Даней.

— Спрашивай, — говорит резко. И отчего-то ладонью сжимает подлокотник кресла. Он сегодня не в духе. С самого начала сеанса. В семье что-то приключилось?

— Из-за кого он начал молчать? Кто умер? И как? Мне не хотелось бы во время терапии затронуть триггерную тему для ребёнка.

Демьян молчит, не торопится отвечать. Только спустя десять секунд раздумий он всё же коротко отвечает, будто фильтруя информацию:

— Отчим.

Хм... Отчим. Это многое объясняет.

Это тот человек, кто растил Данила до того, как Демьян вернулся в семью? По сути, он заменял Дане отца, и между ними явно была сильная связь. На это указывает и то, что он неожиданно замолчал.

Кивнув, спрашиваю дальше:

— Как много вы уделяете ему времени? Как часто куда-то выбираетесь вместе?

— Редко. Что я, что его мать, мы оба заняты работой.

Удивлена? Очень.

Демьян долгое время мечтал о ребёнке. Мы даже спорили, куда отдадим своего малыша. Если родится мальчик, Ярцев хотел бы записать его на футбол. А я — в карате. Чтобы мог постоять за себя. В ответ я слышала только насмешки и то, что Демьян сам научит его, как бить в нос.

И мы договорились, что каждые выходные будем проводить время вместе, несмотря на нагрузки и работу. Телефоны на беззвучный, все дела на помощников, а мы — в семье.

А тут... редко? Это ведь желанный ребёнок. Единственный... для него.

— Успех часто зависит от вовлеченности родителей. Без вас мы так и будем стоять на месте. Нужно чаще гулять с ним, взаимодействовать. Ходить в цирк, на те же квесты. Туда, где ему будет интересно, и он захочет обсудить это с тобой, поделиться впечатлениями. Он любит гонки — своди на картинг. Положительный эмоциональный всплеск может стать нейтрализатором его подавленного состояния. Так сразу он не заговорит, конечно, но шаг к решению проблемы может произойти.

Всё это время он внимательно слушает, не двинув ни мускулом.

— Как ты узнала про гонки? — это всё, что его интересует?

— Не представляешь, поговорила, — улыбаюсь.

— Ясно. Что-то ещё?

— Пока нет, — задумчиво тяну, поглядывая в сторону. По-хорошему, нужно встретиться с его женой. Познакомиться. Увидеть взаимоотношения сына и матери. Но... Закусываю губу. Нет, не смогу. Это уже точно выше моих сил. И это плохо... — Кстати, насчёт твоей занятости, точнее, работы.

Невольно затрагиваю личное. Но интерес раздирает изнутри. Я помню, как на втором свидании я спросила у него, чем он планирует заниматься дальше. Оказывается, за время на службе он скопил немалое состояние. Своя квартира, дорогая машина. Он жил один и ни в чём себе не отказывал. И в один момент вложил всё, что у него было, в то, чем он планировал заниматься.

Так он создал одну из популярных IT-компаний, сотрудничающую со всеми шишками общества. Не только нашими, но и иностранными. И сейчас она в Москве. Неужели он всё бросил — и всё ради семьи?

— Твой бизнес... ты его продал и начал здесь с нуля? Наверное, ест много времени?

— Нет, решаю всё дистанционно. Раз в полгода летаю для устранения некоторых проблем.

— А, — издаю, выдохнув. Так рада, что он всё не бросил. Для него это было дорого. — Поняла.

Секундная заминка, и он вдруг наклоняет голову набок, будто изучая меня.

— Ты меня удивляешь.

— Почему?

— Любая другая послала бы меня, как бывшего мужа, на хрен. А ты согласилась помочь.

Я отрываюсь от стола и направляюсь к стеллажам с папками. Прячу взгляд и пытаюсь не показать дрожащих губ.

Да потому что дура сердобольная. Хочу всем и вся помочь. А ты ещё со своим случаем...

— Не плакать же мне при виде тебя и не бить палкой от обиды, — усмехаюсь через силу. Хотя порой такое желание возникало. Особенно в первую встречу, и то дома, когда поняла, что произошло. — Это жизнь. Всякое может произойти. Сердцу не прикажешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.